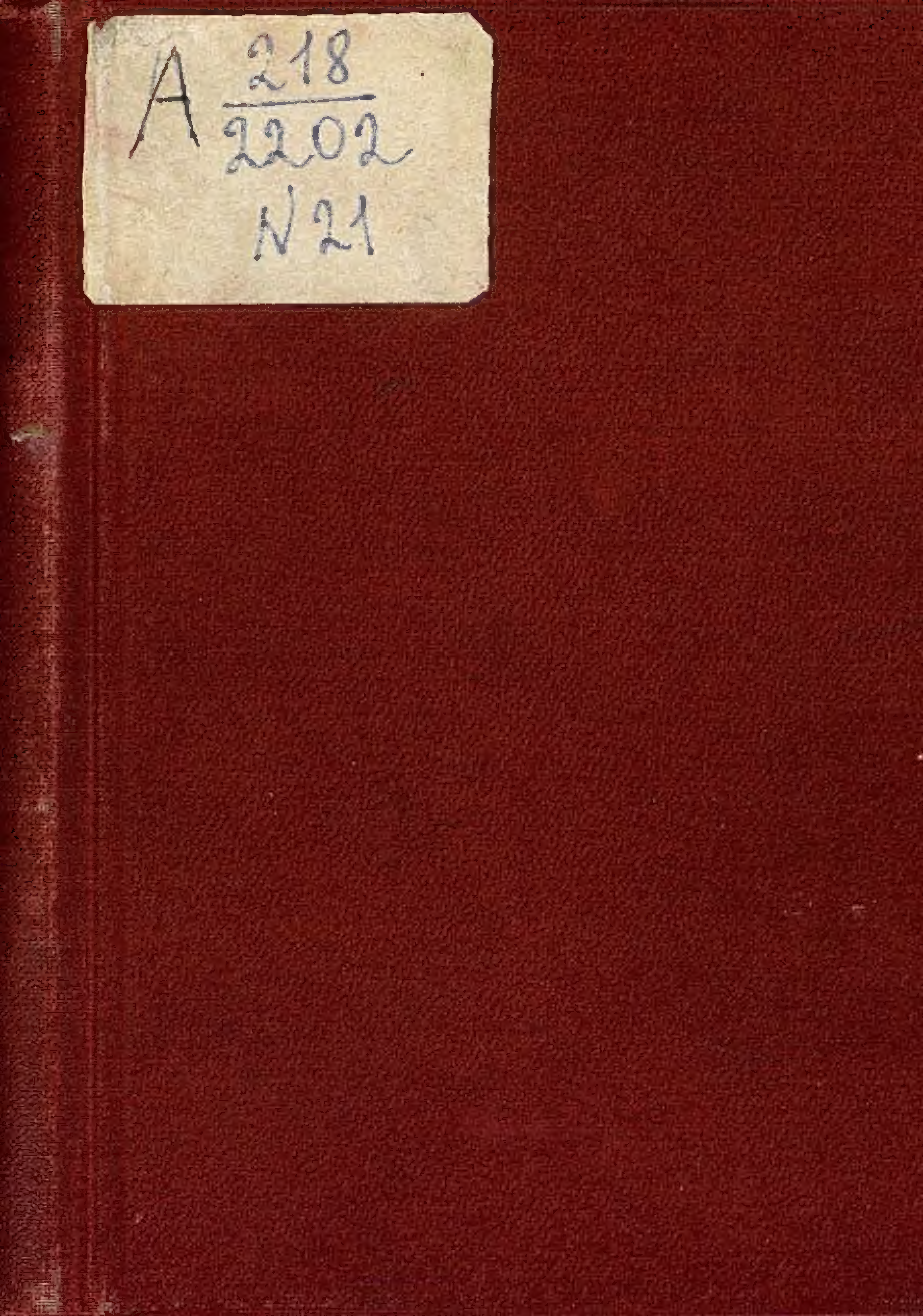

A 218/2202
N21

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни.
№. 21.

А. А. Кизеветтеръ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ
и
ЕГО ОППОНЕНТЫ.

МОСКВА—1898.

Изданіе книжнаго магазина **ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ.**
(I. Кнебель).

Дозволено цензурою. Москва, 2-го апрѣля 1897 г

Высочайше утвержд. Т—ство „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Товарищества, № 9.

I.

XVI вѣкъ вообще и царствованіе Ивана Грознаго въ частности—одинъ изъ капитальнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи. Въ связи съ изученіемъ наполнявшихъ его явленій подымается цѣлый рядъ вопросовъ объ общемъ ходѣ нашего историческаго развитія.

Все содержаніе литературы, посвященной Грозному, сводится, въ сущности, къ постоянному чередованію и взаимному соперничеству двухъ самостоятельныхъ тенденцій. Одна ищетъ ключъ ко всѣмъ эпизодамъ замѣчательнаго царствованія въ перипетіяхъ внутренней душевной драмы царя. Другая выдвигаетъ на первый планъ общеисторическіе процессы, въ связи съ которыми старается объяснить и личную исторію Грознаго. Параллельное литературное развитіе обѣихъ тенденцій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде всего, историческая литература занялась самимъ Грознымъ. Броская, эффектная фигура царя, какъ и естественно, на первыхъ порахъ заслонила собою отъ глазъ истори-

ковъ самое царствованіе. Такъ явились историческіе портреты Грознаго, набросанные Щербатовымъ, Карамзинымъ, Полевымъ. Историки слѣдили за поворотами настроеній Грознаго, старались объяснить разновременные фазисы его личной исторіи, отгадать его психическую индивидуальность. Развитіе государственныхъ формъ, взаимоотношеніе общественныхъ классовъ, общія условія народной жизни,—все это оттѣснялось на второй планъ, и если привлекалось къ дѣлу, то лишь въ качествѣ удобной внѣшней рамы для центральной исторической фигуры самого Грознаго.

Столь односторонняя постановка вопроса должна была вызвать реакцію съ дальнѣйшимъ прогрессомъ науки. Научная идея закономѣрности народной жизни взростила интересъ къ отысканію общеисторическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ единичныхъ явленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на дѣятельность Грознаго историки взглянули, какъ на частный эпизодъ изъ общей исторіи эпохи. Въ прежнихъ попыткахъ изображенія Грознаго теперь увидали результатъ „незрѣлости науки, непривычки обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV,—говорили теперь,—не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣда своихъ“ (*Соловьевъ:* „Исторія Россіи“, т. VI). Такъ расширялась первона-

чальная задача. Предстояло связать дѣятельность Грознаго съ основными частями его эпохи, а для объясненія этой эпохи—вскрыть ея отношеніе къ предшествующему времени.

Въ литературѣ начали появляться попытки широкихъ построеній общаго хода русской исторіи. Историки пустились на поиски за главнымъ, центральнымъ, руководящимъ началомъ, въ которомъ можно было бы открыть основную сущность и истинный философскій смыслъ пережитаго нами историческаго процесса. Не наша задача касаться исторіи этихъ поисковъ. Для насъ важно лишь отмѣтить, какъ отразились на постановкѣ вопроса о дѣятельности Грознаго нѣкоторыя попытки приложить эти широкія обобщающія схемы къ конкретному историческому матеріалу. Подъ вліяніемъ этихъ попытокъ тиранническая дѣятельность Грознаго, его правительственный терроръ получили новое освѣщеніе. Въ нихъ перестали видѣть исключительно плодъ прихотливыхъ капризовъ коронованнаго психопата. Ихъ ставили въ связь со всею политикой московскаго княжескаго дома, а въ самой этой политикѣ вскрывали отраженіе общихъ условій, двигавшихъ ходомъ народной жизни. Такъ появились два новыхъ Грозныхъ въ нашей исторической литературѣ: кавелинскій и соловьевскій.

Кавелинская формула русскаго историче-

скаго развитія извѣстна. Она изложена въ свѣжей, талантливо и горячо написанной статьѣ *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, которая появилась въ 1847 году въ журналѣ *Современникъ*. Согласно этой формулѣ, содержаніе всей исторіи сводилось къ постепенному росту значенія и самостоятельности отдѣльной личности въ общественной и государственной жизни.

На зарѣ исторіи во всѣхъ сферахъ жизни царили начала родового быта. Отдѣльная личность имѣла значеніе лишь какъ одна изъ составныхъ частей своего рода. Дальнѣйшее движеніе исторіи заключалось въ расшатываніи родовыхъ порядковъ, въ борьбѣ государственнаго начала съ началомъ родовымъ. Вмѣстѣ со все болѣе назрѣвавшею побѣдой государственнаго начала отдѣльная личность эмансипировалась отъ опеки ветшавшихъ родовыхъ формъ, становилась въ непосредственныя отношенія къ государству и тѣмъ выигрывала въ своей самостоятельности. Дѣятельность Ивана Грознаго — одно изъ крупныхъ звеньевъ указаннаго процесса. Иванъ Грозный, это — коронованный пропагандистъ государственной идеи, которой принадлежала будущность. Условія соотвѣтствовавшаго историческаго момента и особенности личнаго темперамента царя сдѣлали то, что эта пропаганда получила характеръ правитель-

ственнаго террора. Кавелинскій Иванъ Грозный—поэтъ государственной идеи. Ея практическое осуществленіе—его завѣтный, страстно искомый идеалъ. Между тѣмъ, въ тогдашнемъ обществѣ совершенно отсутствовали элементы для лучшаго порядка вещей. Общество коснѣло въ старыхъ формахъ полупатріархальнаго быта. „Равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ—вотъ что встрѣчалъ онъ (Иванъ Грозный) на каждомъ шагу. Борьба съ ними ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ"... „Растерзанный, измученный безплодною борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго, и мстилъ страшно". (*Кавелинъ:* „Сочиненія", т. I, стр. 356 и 363).

Итакъ, тираническая дѣятельность кавелинскаго Грознаго можетъ быть названа, пожалуй, нецѣлесообразною, но ее никакъ нельзя назвать безцѣльною. Нѣтъ, у нея была вполнѣ опредѣленная цѣль: пропаганда государственной идеи,—передъ Иваномъ стоялъ реальный, а не созданный больнымъ воображеніемъ, врагъ: старинный, патріархальный жизненный строй. Въ лицѣ Ивана и его враговъ столкнулись двѣ Россіи—новая и старая; въ основѣ террористической политики Грознаго лежали историческіе, а не одни психологическіе мотивы.

Не трудно замѣтить, что конечный выводъ, вытекающій изъ кавелинскаго изображенія Грознаго, гораздо цѣннѣе самого этого изображенія. Краснорѣчивыя страницы, посвященныя Грозному Кавелинымъ, сбиваются гораздо болѣе на блестящую ораторскую импровизацію, чѣмъ на научное воспроизведеніе историческихъ данныхъ. Всѣ элементы начертанной картины — сплошь гипотетичны. Отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ, равнодушіе и безучастіе этого общества къ текущимъ вопросамъ жизни, идеализмъ и какая-то, чуть ли не міровая, скорбь непонятаго Грознаго, — все это голая гипотеза, и, притомъ, противорѣчащая фактамъ. Говорить о индефферентизмѣ русскаго общества того времени значитъ закрывать глаза на тотъ разцвѣтъ публицистической литературы, которымъ знаменуются конецъ XV и начало XVI вѣка, тѣ проявленія то явной, то подпольной общественной оппозиціи устанавливавшемуся московскому порядку, которыя получали такія разнообразныя формы — отъ открытаго вооруженнаго возстанія оскорбленнаго служилаго князя до озлобленной воркотни опальнаго дружинника въ уединенной кельѣ заѣзжаго изъ Греціи ученаго монаха.

Рисовать Грознаго разочарованнымъ идеалистомъ, въ отчаяніи истребляющимъ то, что

ему не удавалось согласно своимъ идеаламъ преобразовать, значитъ, въ одно и то же время, и незаслуженно ставить его въ какую-то исключительную съ его предшественниками позу, и незаслуженно преувеличивать безплодность его правительственной дѣятельности. Правительственный терроръ сдѣлался обычнымъ пріемомъ московской политики задолго до Грознаго. Казни и опалы временъ Ивана III и Василія III имѣютъ важное историческое значеніе и въ значительной степени отнимаютъ у казней Ивана IV эффектъ историческаго экспромта. Дѣйствуя въ тонъ фамильной политики своего дома, Иванъ IV не могъ являться провозвѣстникомъ какихъ-то совершенно новыхъ началъ, недоступныхъ кругозору его современниковъ, — оказывается, напротивъ, эти начала еще до Ивана IV не только обращались въ общественномъ сознаніи, но въ извѣстной мѣрѣ получали и практическое осуществленіе въ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій. Съ другой стороны, итоги царствованія Грознаго отнюдь не свелись къ однѣмъ казнямъ, внушеннымъ Грозному, по мнѣнію Кавелина, отчаяніемъ безсилія. Нѣтъ, это царствованіе, какъ и вообще XVI вѣкъ—крупный поворотный пунктъ въ ходѣ нашего государственнаго развитія: Грозный завершилъ цѣлый рядъ назрѣвшихъ къ его времени коренныхъ, внутреннихъ

реформъ по организаціи общественныхъ классовъ и государственнаго управленія, и въ результатѣ этихъ реформъ государственный строй окончательно установился на новыхъ основаніяхъ — общественнаго закрѣпощенія. Эти новыя начала государственнаго устройства вполнѣ отвѣчали условіямъ текущаго историческаго момента, они были продиктованы повелительными требованіями времени, и вотъ въ чемъ заключался секретъ ихъ устойчивости и живучести, вотъ почему даже перипетіи смутнаго времени, если и расшатали, то отнюдь не разрушили ихъ.

Но если политическіе идеалы Грознаго какъ разъ совпадали съ неотразимыми требованіями историческаго момента, то развѣ ему приличествуетъ поза царя-неудачника? Спрашивается, однако, слѣдуетъ ли, въ виду несостоятельности кавелинскихъ воззрѣній на значеніе Грознаго, отвергать тотъ общій выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ, — тотъ выводъ, что въ основѣ его дѣятельности лежали не одни психологическіе, но и общеисторическіе мотивы? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, предположить, что Кавелинъ просто ошибочно вскрылъ эти историческіе мотивы, увлеченный своею общею схемой русской исторіи? Иначе говоря, неудачное примѣненіе метода компрометируетъ ли въ этомъ случаѣ самый методъ?

И Соловьевъ, подобно Кавелину, подошелъ къ изслѣдованію древней русской жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи. Но Соловьеву иначе, чѣмъ Кавелину, пришлось прилагать свою схему къ фактическому матеріалу. Вмѣсто быстраго обзора à vol d'oiseau всего хода русской исторіи, Соловьевъ написалъ *Исторію Россіи*, прервавшуюся на 29 томѣ. Здѣсь уже нельзя было ограничиться общею характеристикой крупныхъ историческихъ моментовъ съ точки зрѣнія своей схемы, — надлежало прослѣдить осуществленіе открытаго имъ общаго начала русской исторіи на каждомъ отдѣльномъ историческомъ эпизодѣ, на каждомъ отдѣльномъ сплетеніи реальныхъ отношеній и общественныхъ силъ. По представленію Соловьева, переработка родового строя жизни въ государственный растянулась на цѣлый рядъ вѣковъ и, конечно, разнообразіе жизни давало этому основному процессу нашей исторіи тысячу самыхъ различныхъ и измѣнчивыхъ выраженій. Что же представлялъ собою съ этой точки зрѣнія тотъ моментъ русской жизни, на который пало царствованіе Грознаго? Соловьевъ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ въ VI томѣ своей исторіи.

Съ вѣрною остротой историческаго зрѣнія онъ увидѣлъ въ этомъ моментѣ эпоху борьбы двухъ столкнувшихся теперь періодовъ русской жизни, изъ которыхъ одинъ заканчи-

вался, а другой зарождался. По выраженію Соловьева, это было время „сопоставленія двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему полному развитію, а другое хотѣло удержать его въ этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ исчезнувшихъ отношеній; необходимо было столкновеніе“. Представителями одной изъ столкнувшихся сторонъ явились московскіе князья, начиная съ Ивана III, и Иванъ IV въ томъ числѣ, а другую сторону составили верхи тогдашняго общества: потомки вчерашнихъ удѣльныхъ князей и верхній слой дружины—боярство. Итакъ, столкновеніе верховной власти съ аристократическими элементами общества—вотъ въ чемъ заключался, по Соловьеву, основной фактъ періода и вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать и дѣятельность Грознаго. Въ качествѣ врага тогдашней аристократіи верховная власть дѣлается естественнымъ союзникомъ низшей массы. Аристократія отдѣлила свое дѣло отъ дѣла народнаго. „Народъ — говоритъ далѣе Соловьевъ—увидалъ въ нихъ (князьяхъ и боярахъ) людей, которые остались совершенно преданными старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувстві-

ями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, и вотъ молодой царь (Иванъ IV) пользуется ошибками тѣхъ, въ комъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли, говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ и сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ видимъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо" (*Исторія Россіи*, т. VI, стр. 61, 64).

Кавелинъ обозначилъ шумную дѣятельность Грознаго просто, какъ одно изъ проявленій основного процесса русской исторіи: борьбы государственнаго начала съ началомъ родовымъ.

Соловьевъ, опираясь на изученные имъ факты, опредѣленно указываетъ, въ какія конкретныя формы облеклась эта вѣковая борьба въ эпоху Грознаго: она получила въ то время характеръ борьбы аристократическаго боярства съ демократической монархіей, при этомъ политическій вопросъ осложнился вопросомъ соціальнымъ: низшая масса отшатнулась отъ боярства и передала его

московскому княжескому правительству, спасаясь отъ экономической порабощенности, въ которую его забивала дѣятельность землевладѣльческаго боярства.

Такимъ образомъ, и здѣсь, и у Соловьева для Грознаго подысканъ реальный, дѣйствительный врагъ, съ которымъ онъ вынужденъ былъ бороться, и здѣсь тиранія Грознаго не является исключительно плодомъ внутренней потребности исковерканной натуры, искусствомъ для искусства, она направлена къ осуществленію опредѣленной политической программы. Насчетъ личныхъ свойствъ царскаго темперамента можно и должно отнести лишь изощренныя формы его тираніи, но ея основная и конечная цѣль была подсказана исторически назрѣвшимъ антагонизмомъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Въ основѣ соловьевской схемы лежатъ, какъ мы только что видѣли, два историческихъ наблюденія: 1) аристократическая тенденція боярства; 2) союзъ верховной власти съ низшею массой на почвѣ общихъ интересовъ.

Соотвѣтствуютъ ли, однако, эти наблюденія подлиннымъ фактамъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Мы не видимъ въ боярствѣ того времени *аристократіи* въ полномъ смыслѣ этого слова, общественнаго слоя, объединен-

наго ясно сознанными едиными сословными интерессами и чувствами, даже единствомъ своего историческаго происхожденія, — это была масса, составленная изъ весьма разнородныхъ элементовъ туземныхъ и иноземныхъ. Лишенное корпоративной внутренней связи, боярство, какъ боярство, какъ обособленный въ самомъ себѣ общественный слой, не составляло въ то время самостоятельной исторической силы. Вотъ почему боярство и не могло бы противупоставить Грозному аристократической опнозиціи. Съ другой стороны, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ союза верховной власти съ низшею массой населенія,—для такого союза не было почвы. Низшая масса порывала съ боярствомъ, спасаясь отъ экономическаго порабощенія, — говоритъ Соловьевъ. — Но что она могла получить отъ своего мнимаго союзника—верховной власти? На это дастъ намъ отвѣтъ организаторская дѣятельность московскаго правительства. Правительственная система того времени, подсказанная суровыми требованіями жизни, заключалась въ одинаковомъ закрѣпощеніи государственной службѣ всѣхъ общественныхъ слоевъ безъ различія, высшихъ и низшихъ, причемъ каждому слою присвоивалась своя специальная повинность: служилые люди должны были нести ратную и приказную службу, а низшая масса — со-

держать этихъ служилыхъ людей своимъ подневольнымъ, обязательнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Итакъ, порабощенность низшей массы какъ разъ входила въ виды верховной власти въ качествѣ одной изъ составныхъ частей тогдашней правительственной программы. Спрашивается, гдѣ же тутъ благопріятная почва для какихъ-то спеціальныхъ демократическихъ тенденцій, которыя приписываются Грозному? Указанныя слабыя стороны соловьевскаго построенія быстро привлекли вниманіе критики. При этомъ разборъ несостоятельности выставленныхъ въ литературѣ историческихъ мотивовъ террора Грознаго привелъ опять къ отрицанію у того террора вообще какой-бы то ни было исторической подкладки. Такъ снова всплыла на поверхность чисто психологическая точка зрѣнія на значеніе Грознаго въ нашей исторіи. Застрѣльщикомъ выступилъ К. Аксаковъ. Въ написанномъ имъ разборѣ VI тома *Исторіи Россіи* (*К. С. Аксаковъ*: „Сочиненія", т. I, изд. II, стр. 124—168) мы находимъ и критику соловьевскаго взгляда, и изложеніе собственныхъ воззрѣній автора.

Тираннія Грознаго не была вызвана *борьбой*, по той простой причинѣ, что Грозному не съ кѣмъ было бороться, передъ нимъ не стояло никакого реальнаго дѣйствительнаго врага—вотъ основной тезисъ К. Аксакова. Бояре и не нападали, и не оборонялись. „Бояре

противупоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту, это — отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ *въ его воображеніи*, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него" (ibid., стр. 135). Итакъ, Иванъ Грозный дѣйствительно терроризировалъ общество во имя какой-то борьбы, но эта борьба была фикціей его больного воображенія.

Тиранія Грознаго, это—скорѣе страница изъ исторіи его личной біографіи, чѣмъ изъ исторіи развитія русской жизни. Русская жизнь того времени не представляла никакихъ элементовъ борьбы и смуты. Напротивъ, то былъ, по воззрѣнію Аксакова, золотой вѣкъ нашего прошлаго, когда получила свое полнѣйшее выраженіе свойственная духу русскаго народа основная формула русской общественности.

Аксаковъ видитъ въ Грозномъ правовѣрнаго проводника въ жизнь славянофильской политической доктрины раздѣленія земли и государства. Два учрежденія эпохи Грознаго: земскій соборъ и опричина, взятыя вмѣстѣ, явились практическимъ выраженіемъ славянофильской формулы: землѣ—сила мнѣнія, государству—сила власти.

Политика Грознаго какъ разъ совпадала, такимъ образомъ, съ потребностями всего

общества, вытекавшими изъ коренныхъ чертъ національнаго духа. Передъ такимъ торжествомъ чисто-національной политики должны были безслѣдно таять эгоистическія поползновенія отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ. Среди общаго чувства національной удовлетворенности, притязанія дружины звучали диссонансомъ, которому ни откуда не могло быть отклика. Вотъ почему „царь сокрушаетъ дружину“ безъ всякихъ усилій, безъ всякой борьбы и „народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи“. Но, въ такомъ случаѣ, откуда же эти потоки крови, эти насилія и казни? Они не были вызваны практическою необходимостью. Вступая на путь террора, Грозный лишь отдавалъ дань основнымъ инстинктамъ своей природы. Затѣмъ слѣдуетъ личная характеристика Грознаго, какъ человѣка съ обостреннымъ художественнымъ чувствомъ, лишеннымъ, однако, всякой нравственной основы. Обостренное художественное чувство пріучило его искусственно становиться въ красивыя позы, выдумывать себѣ сильныя драматическія положенія, устраивать шумныя, эффектныя сцены. Отсутствіе нравственнаго чувства заслоняло отъ него нравственную сущность того или другого положенія яркимъ блескомъ его видимыхъ формъ. Критеріума добра и зла не было, была одна погоня за красивыми эффектами. Грозный не-

реходилъ отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины онъ любилъ осуществлять въ жизни. „То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестовъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народъ—и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода" и т. д. („Сочиненія", стр. 164).

Итакъ, борьба съ боярствомъ—плодъ самовнушенія, вся политика террора—игра въ красивую позу карающаго мстителя: такъ понимаетъ Аксаковъ руководящія черты въ дѣятельности Грознаго. Мы не будемъ разбирать этой остроумной характеристики съ психологической стороны. Сдѣлаемъ мимоходомъ только одно замѣчаніе: политика террора, какъ мы уже упоминали выше, унаслѣдована Грознымъ отъ своихъ предшественниковъ. Слѣдуя Аксакову, намъ придется, такимъ образомъ, заключить, что не только одинъ Иванъ IV, но его отецъ и дѣдъ,—все это были позёры, что въ теченіе чуть ли не цѣлаго столѣтія московскіе князья выдумывали себѣ не-

существующихъ враговъ только для того, чтобы имѣть случай встать въ драматическое положеніе карающихъ мстителей не нанесенной обиды. Могутъ возразить: Иванъ IV первый придалъ террору небывалыя раньше, кричащія своимъ картиннымъ изувѣрствомъ формы. И это не точно. И до Ивана Грознаго бывали случаи, когда вся дорога отъ Москвы до Новгорода устанавливалась, какъ верстовыми столбами, висѣлицами съ повѣшенными на нихъ трупами крамольниковъ. Самъ Грозный призналъ бы эту казнь мастерскимъ эффектомъ по части картиннаго террора. И такъ, вопросъ о тиранической дѣятельности Грознаго снова возвращался къ своей первоначальной постановкѣ. Послѣ немногихъ попытокъ трактовать этотъ вопросъ исторически опять была выдвинута чисто-психологическая точка зрѣнія. Съ этихъ поръ психологическая точка зрѣнія прочно утверждается въ специальной литературѣ о Грозномъ. Особенно содѣйствовалъ ея распространенію въ читающей публикѣ популярный историкъ Костомаровъ. Онъ пошелъ по слѣдамъ Аксакова. Отбросивъ специально-славянофильскую часть аксаковской характеристики, его представленіе о полной гармоніи земскаго собора и опричины съ коренными чертами народнаго духа, Костомаровъ съ тѣмъ большимъ удареніемъ настаиваетъ на фиктивномъ характерѣ

поднятой Грознымъ борьбы. Возвращаясь нѣсколько разъ въ различныхъ статьяхъ къ характеристикѣ Грознаго, Костомаровъ все болѣе сгущаетъ краски, стараясь, притомъ, окончательно снять съ личности Грознаго всякій ореолъ сильной, выдающейся натуры. Въ концѣ-концовъ, Костомаровъ отрицаетъ у Грознаго и ту жилку художественаго чутья, на которой Аксаковъ основалъ всю свою характеристику. Костомаровскій Грозный — грязный тиранъ съ мелкою душой, деспотъ и трусъ, человѣкъ пустой и ничтожный: нѣчто въ родѣ салтыковскаго Іудушки въ мономаховой шапкѣ.

На ту же психологическую точку зрѣнія становится и г. Михайловскій, представившій недавно обстоятельный разборъ предшествующей литературы о Грозномъ. Отвергнувъ гипотезу о борьбѣ съ Грознымъ аристократическаго боярства, отвергнувъ существованіе въ русской жизни того времени „боярскаго принципа", г. Михайловскій отрицаетъ (затѣмъ) у Грознаго какую бы то ни было сознательную политическую программу и опредѣляющимъ факторомъ его жизни и дѣятельности объявляетъ „несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомѣрною властью, не даромъ пугавшею современниковъ". Грозный—маньякъ и только. „Если Грозный—говоритъ г. Михайловскій—и создалъ легенду

о принципіальной борьбѣ съ боярствомъ, то извѣстно, что маньяки иногда подыскиваютъ чрезвычайно замысловатыя объясненія для своихъ совершенно безсмысленныхъ поступковъ". (*Критич. опыты*, стр. 112).

Таково послѣднее въ хронологическомъ смыслѣ слово о дѣятельности Грознаго въ нашей литературѣ.

Намъ ясно теперь, на какой почвѣ возродилось это психологическое, такъ сказать, направленіе, къ которому примкнулъ и г. Михайловскій. Соловьевъ указалъ на аристократическое боярство, какъ на того врага, съ которымъ приходится бороться Грозному. Критика не нашла въ средѣ тогдашняго боярства ни элементовъ борьбы, ни элементовъ аристократизма и сдѣлала отсюда тотъ выводъ, что у Грознаго и не было никакихъ враговъ, кромѣ созданныхъ больною подозрительностью призраковъ. Не поспѣшенъ-ли, однако, подобный выводъ? Мы понимаемъ Аксакова, который, исходя изъ своего славянофильскаго построенія русской исторіи, доказывалъ, что въ ту эпоху торжества исконно-народныхъ общественныхъ началъ *и не могло быть* какой-либо внутренней борьбы. Но почему тѣ, кто не раздѣляетъ славянофильскаго построенія, останавливаются передъ диллемой: или бояре-аристократы, или призраки больного воображенія? Отчего не поискать дру-

гихъ элементовъ борьбы въ обществѣ того времени и помимо боярскаго аристократизма? Мы думаемъ, что эти элементы существовали, мы думаемъ, что борьба была реальная, а не фиктивная, и мы сейчасъ же укажемъ на тотъ руководящій принципъ, который лежалъ въ основѣ общественной оппозиціи того времени. То былъ не спеціально „боярскій принципъ", а—если можно такъ выразиться—„удѣльный принципъ", принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Основнымъ источникомъ недоразумѣній въ разсмотрѣнной нами литературѣ о Грозномъ мы считаемъ то обстоятельство, что изслѣдователи неравномѣрно распредѣляли свое вниманіе между двумя боровшимися сторонами: много занимались Грознымъ и недостаточно пристально вглядывались въ его оппозицію. Между тѣмъ, вопросъ о томъ, изъ кого состояла эта оппозиція, и даже существовала ли она въ дѣйствительности, является какъ мы только-что видѣли, центральнымъ пунктомъ разногласій.

Оппозиція Грознаго зародилась не при Грозномъ. Вотъ почему, для болѣе отчетливаго выясненія предлагаемой ниже точки зрѣнія, мы должны сдѣлать сейчасъ экскурсъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую царствованію Грознаго,

II.

XVI вѣкъ — крупный поворотный пунктъ нашего историческаго развитія. По обѣ стороны этого вѣка лежатъ двѣ совершенно различныя Россіи: удѣльная и московская Русь. Что такое удѣльная Русь? Это — собраніе большихъ и малыхъ княжествъ, разсыпанныхъ по трущобамъ тогдашней лѣсистой Россіи, съ очень слабыми задатками взаимнаго политическаго единенія и съ весьма настоятельными мотивами вѣчнаго взаимнаго соперничества.

Внутри каждаго удѣла руководящимъ началомъ политическаго порядка являлся *договоръ, рядъ,* т. е. совершенно свободное соглашеніе между княземъ, хозяиномъ удѣла, и вольнымъ человѣкомъ, приходившимъ въ предѣлы его княжества и поступавшимъ на его службу. Эти договоры устанавливали для обѣихъ сторонъ взаимныя права и обязательства. Договорныя условія отнюдь не были вѣчны, отнюдь не накидывали на договаривающіяся стороны мертвой петли, они могли быть прекращены путемъ такого же свободнаго соглашенія, какимъ и заключались. Такъ каждый являлся въ то время творцомъ своего собственнаго положенія. Это порождало крайнюю пестроту и крайнюю неустойчивость политическихъ формъ. Конечно, практика вы-

рабатывала нѣкоторые устойчивые типы договорныхъ условій, изъ которыхъ и выростали постепенно общія очертанія такъ называемаго удѣльнаго порядка, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ этого порядка все же лежало свободное столкновеніе индивидуальныхъ интересовъ.

Что такое московская Русь? Это—крѣпко сплоченное военное государство, построенное на началахъ сильнѣйшей централизаціи. Потребности вооруженной самообороны — вотъ опредѣляющее начало московскаго политическаго устройства. Удѣльная свобода смѣнилась теперь закрѣпощенностью всѣхъ общественныхъ классовъ государственной власти. Индивидуальный интересъ потонулъ въ суровыхъ требованіяхъ дисциплины. Мѣстныя нужды и интересы не принимались въ разсчетъ при построеніи новыхъ порядковъ, ими и некогда было заниматься, когда молодому государству приходилось вести самую примитивную борьбу за существованіе. Политическій строй московской Руси и явился плодомъ сознательной системы, направленной къ тому, чтобы ни одинъ атомъ народныхъ силъ не ускользалъ отъ общей обязательной работы на защиту государства. Эта работа была построена на началахъ строгаго раздѣленія труда. Общество распредѣлилось на классы и каждому классу была присвоена

своя специальная государственная повинность. Для цѣлей самообороны государству нужны были двѣ вещи: деньги и войско. Сообразно съ этимъ общество было разбито на *тяглыхъ людей*—городскихъ и сельскихъ — которые должны были, неся обязательный торгово-промышленный или земледѣльческій трудъ, вносить съ него въ казну подати, и *служилыхъ людей*, обязанныхъ государству пожизненною ратною службой. Первые поставляли деньги, а вторые—войско. Въ распредѣленіи этихъ повинностей между общественными классами московскій порядокъ не допускалъ никакой личной иниціативы. Все было подчинено всеопредѣляющей правительственной регламентаціи. Каждый былъ разъ навсегда поставленъ на свое опредѣленное мѣсто и въ этомъ заключался весь секретъ устойчивости и силы московскаго порядка. Потомки удѣльныхъ дружинъ, потомки удѣльнаго крестьянства превратились теперь въ безгласные винты сложной государственной машины. Административный механизмъ Московскаго царства преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и организація общественныхъ классовъ. Органы администраціи, разсыпанные по уѣздамъ московской Руси, всецѣло являлись агентами центральной власти. Ихъ назначеніемъ было контролировать ростъ мѣстныхъ силъ и каждый приростъ ихъ тотчасъ обращать на удо-

влетвореніе тѣхъ же государственныхъ нуждъ. Всѣ эти воеводы, губные и земскіе старосты являлись въ общемъ составѣ государственной машины насосами, приставленными центральною властью къ источникамъ народнаго благосостоянія. Очерченный порядокъ неминуемо приводилъ къ двумъ знаменательнымъ послѣдствіямъ: 1) полному подавленію общественной свободы и мѣстнаго развитія; 2) къ чрезвычайно одностороннему развитію народной жизни вообще. Мѣстные, провинціальные интересы тонули въ интересахъ общегосударственныхъ, а въ составѣ самихъ этихъ общегосударственныхъ интересовъ потребности военной самообороны совершенно подавляли развитіе общественной жизни, развитіе народнаго просвѣщенія. Сопоставимъ теперь двѣ только что представленныя картины: удѣльной и московской Руси. Что между ними общаго? Это — два разнородныхъ міра, два другъ друга исключающихъ жизненныхъ уклада.

XVI вѣкъ и былъ тѣмъ моментомъ нашей исторіи, когда окончательно завершилась переработка удѣльнаго строя въ строй московскій. Въ этомъ его основное историческое значеніе, въ этомъ основной интересъ его изученія.

Легко понять, какимъ глубокимъ общественнымъ потрясеніемъ сопровождалась такая

коренная переработка. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ яркій драматизмъ, которымъ полна эта эпоха и который былъ пріуроченъ притуплешнымъ историческимъ глазомѣромъ послѣдующихъ поколѣній къ личности одного Грознаго.

Московскіе князья далеко не сразу выступаютъ врагами удѣльныхъ порядковъ. Довольно популярное воззрѣніе, по которому Московское княжество изначала явилось колыбелью иного политическаго уклада сравнительно съ остальною Русью удѣльной эпохи и московскіе князья вступили на политическое поприще *съ новымъ словомъ*, что̀ и обезпечило успѣхъ ихъ собирательной дѣятельности,—это воззрѣніе совершенно ошибочно. Напротивъ, московскіе князья побѣдили прочихъ удѣльныхъ князей, всецѣло опираясь на удѣльные порядки. И уже затѣмъ, побѣдивъ съ помощью удѣльныхъ порядковъ удѣльныхъ князей, они объявили войну и самимъ удѣльнымъ порядкамъ.

Удѣльный порядокъ по самой внутренней своей сущности былъ обреченъ на быстрое разрушеніе. Въ его основѣ лежали два взаимно противорѣчивыя начала: политическая раздробленность Руси и ея общественное единство. Первое начало выражалось въ полной политической самостоятельности отдѣльныхъ удѣльныхъ княжествъ, второе -- въ ни-

чѣмъ не стѣсненной свободѣ передвиженія изъ удѣла въ удѣлъ для всѣхъ свободныхъ классовъ тогдашняго общества. Основныя условія народнаго труда постоянно вызывали потребность въ такомъ передвиженіи. Междукняжескіе договоры неизмѣнно санкціонировали это право для всѣхъ свободныхъ классовъ общества, открывали имъ, по выраженію памятниковъ того времени, по всей Русской землѣ: „путь чистъ, безъ рубежа".

Указанное обстоятельство налагало рѣзкую печать на характеръ удѣльнаго общества. Въ средѣ удѣльнаго общества не могло выработаться чувство мѣстнаго удѣльнаго патріотизма. Съ другой стороны, удѣльное общество отличалось необыкновенною измѣнчивостью и подвижностью своего личнаго состава. Экономическій интересъ явился главнымъ могущественнымъ рычагомъ народнаго передвиженія. Въ силу отмѣченныхъ особенностей, установившаяся было система самостоятельныхъ удѣльныхъ княжествъ могла бы разсчитывать на продолжительное сохраненіе лишь при одномъ условіи: при полномъ равенствѣ тѣхъ мѣстныхъ выгодъ, какія представлялись населенію каждымъ отдѣльнымъ удѣломъ. Дѣйствительность не могла допустить такого условія. Удѣлы, лишенные счастливаго географическаго положенія, обойденные благами природы, быстро пустѣли. Населеніе стяги-

валось мало-по-малу въ опредѣленные пункты съ болѣе притягательными мѣстными условіями. Оставляемые князья прибѣгали къ антрепренерскимъ уловкамъ, соперничая другъ съ другомъ въ обѣщаніяхъ соблазнительныхъ льготъ новымъ пришельцамъ. Напрасно. Потокъ народныхъ переселеній получалъ съ теченіемъ времени все болѣе опредѣленное направленіе. Скоро обозначился и еще одинъ факторъ, управлявшій передвиженіемъ народныхъ массъ: потребности самозащиты отъ наступавшихъ внѣшнихъ враговъ, съ востока и юга—татаръ, съ запада—Литвы.

Подъ вліяніемъ указанныхъ условій направленіе народнаго движенія окончательно опредѣлилось,—оно шло *отъ окраинъ къ центру*.

Вотъ та почва, на которой московскіе князья построили свое первоначальное политическое возвышеніе. Ихъ удѣлъ возвышался и расширялся въ силу счастливаго положенія и въ экономическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Основная политическая задача того времени разрѣшалась въ ихъ пользу. Съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ московскимъ князьямъ было выгодно выступать въ роли охранителя, а никакъ не разрушителя основъ политическаго строя удѣльной эпохи. Всѣ приходили къ нимъ, никто не уходилъ отъ нихъ. Вотъ почему московскимъ князьямъ выгодно было поддерживать и въ

теоріи, и на практикѣ свободу удѣльнаго договора, „ряда“, свободу удѣльнаго „отъѣзда“ и „перехода“. Московское возвышеніе не было плодомъ какой то исключительной передовой политической мудрости московскихъ князей; эти князья въ развитіи своихъ успѣховъ оставались настоящими дѣтьми своего вѣка, пользовались исключительно *удѣльными средствами*. Москва расширялась, поглощая своимъ ростомъ прочіе удѣлы, но сама по характеру своего внутренняго устройства оставалась такимъ же удѣломъ, какъ и уничтоженныя ею княжества. Это была борьба съ удѣльными правительствами, но не съ удѣльными порядками. Собирательная дѣятельность шла безостановочно. Каждый успѣхъ увеличивалъ могущество Москвы, а увеличеніе могущества, въ свою очередь, обезпечивало дальнѣйшіе успѣхи, еще болѣе поднимая притягательную силу Москвы въ глазахъ населенія. Мѣстныя выгоды тянули къ Москвѣ, отсутствіе удѣльнаго патріотизма не удерживало въ своемъ удѣлѣ, въ результатѣ удѣльныя княжества пустѣли, удѣльныя правительства оставались одинокими, безъ почвы подъ ногами, и успѣхъ Москвы былъ обезпеченъ задолго до того момента, когда она рѣшалась нанести послѣдній уничтожающій ударъ. Такъ, передъ паденіемъ Тверского княжества толпы тверскихъ бояръ перекоче-

вываютъ въ Москву. Вотъ какъ объясняли они мотивы своего переселенія: „Гдѣ межи сошлися съ межами и гдѣ ни изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ и то князь московскій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ“.

Московскій князь, выдвигаясь изъ среды собратій по размѣрамъ своихъ успѣховъ, первоначально ничѣмъ не выдвигается ни по пріемамъ своей политики, ни по содержанію своей политической программы. Съ теченіемъ времени, однако, положеніе измѣняется. Мы только что видѣли, что политическая раздробленность удѣльной Руси соединялась съ ея общественнымъ единствомъ. Отсутствіе мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма въ тогдашнемъ обществѣ окупалось довольно сильною обостренностью общерусскаго, національнаго патріотизма.

Теперь населеніе и пріурочиваетъ одушевляющія его патріотическія чувства къ личности московскаго князя. Оно привыкаетъ видѣть во власти этого князя надежнѣйшее обезпеченіе своихъ правъ и своихъ выгодъ. На этой-то почвѣ въ оборотѣ общественнаго сознанія назрѣваетъ новое, несвойственное удѣльной эпохѣ представленіе о князѣ, какъ о носителѣ и выразителѣ общерусскихъ, на-

ціональныхъ интересовъ. Борьба съ иноземными сосѣдями фактически оправдываетъ такое воззрѣніе. Опираясь на скопившуюся въ ихъ рукахъ матеріальную силу, московскіе князья наносятъ этимъ національнымъ врагамъ наиболѣе жестокіе удары Наблюдатели текущихъ событій видятъ теперь въ каждомъ выдающемся явленіи времени слѣды благотворной дѣятельности московскаго князя, въ Москвѣ—источникъ общаго благополучія: и внутренняго „наряда", и внѣшней безопасности для всей Русской земли. Уже къ дѣятельности Ивана Калиты прикидывается такая точка зрѣнія на ходъ событій. „Благовѣрному великому князю Ивану Даниловичу... вся... добрѣ управляя, злодѣйственныхъ разбойниковъ и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни *отъ земли своея*. Во дни же его бысть тишина велія христіаномъ *по всей Русской землѣ* на многа лѣта. Тогда и татарове престаша воевать *русскія земли*" *).

Сами московскіе князья всего менѣе участвовали своими сознательными стремленіями въ этой переработкѣ своей политической роли. Въ ихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ мы не открываемъ никакой національной программы: они строили свой удѣлъ и только. Но само населеніе подсказало московскимъ князь-

*) *Никон.*, III, 141, *Соловьевъ*: «Ист. Россіи», т. III гл. 5.

ямъ иную точку зрѣнія на сущность власти, а сосредоточившаяся въ ихъ рукахъ, благодаря ходу событій, фактическая сила дала имъ матеріальную возможность удовлетворять вытекавшимъ изъ этой новой точки зрѣнія новымъ задачамъ. Національная идея княжеской власти вытекла, такимъ образомъ, какъ непредвидѣнный, хотя и естественный, результатъ успѣшной устроительной и собирательной дѣятельности московскаго князя, лишенной какой бы то ни было националистической подкладки. Но затѣмъ, войдя въ новую роль, московскіе князья усвоиваютъ себѣ національную точку зрѣнія и какъ сознательный пріемъ политики. Удѣльные князья, не встрѣчая сочувствія и поддержки въ удѣльныхъ обществахъ, ищутъ опоры въ Литвѣ. Московсквое правительство тотчасъ же объявляетъ ихъ измѣнниками русскаго народа, и борьба за новые „промыслы" превращается въ борьбу за неприкосновенность русской національности.

Спрашивается теперь, какъ долженъ былъ отразиться этотъ ростъ національнаго значенія московскаго князя на особенностяхъ политическаго строя удѣльной эпохи? Московскій князь выросъ въ князя всей Русской земли, опираясь на господствующія тенденціи вѣка. Мы видѣли, каковы были источники этихъ господствующихъ тенденцій въ обще-

ствѣ того времени. Общественное мнѣніе провозгласило московскаго князя своимъ національнымъ княземъ лишь потому, что оно сознавало въ его власти лучшую гарантію своихъ тогдашнихъ интересовъ, т.-е. своихъ экономическихъ выгодъ и своихъ *удѣльныхъ правъ*.

Московское единодержавіе, какъ охрана удѣльной свободы,—вотъ тотъ своеобразный политическій идеалъ, на который работало общество, возвышая московскаго князя, и которому никогда не суждено было осуществиться. Въ основѣ разсмотрѣннаго нами единенія общества и московскаго удѣльнаго правительства лежало глубокое недоразумѣніе. Московскій князь, какъ и всякій другой удѣльный князь, видѣлъ въ охранѣ удѣльныхъ правъ общества необходимое орудіе для борьбы со всѣми другими удѣльными князьями, своими естественными соперниками. Общество, своимъ сочувствіемъ придвигая московскаго князя къ успѣшному окончанію этой борьбы, тѣмъ самымъ все болѣе лишало его практической необходимости бережливо охранять тѣ общественныя права, на которыхъ зиждилась общественная свобода удѣльной эпохи. Для общества охрана удѣльныхъ правъ была кореннымъ жизненнымъ вопросомъ, для княжескаго правительства это было лишь временное боевое средство въ борьбѣ съ поли-

тическою самостоятельностью другихъ удѣльныхъ княжествъ. И единодержавіе, и его національная задача одинаково сдѣлались и правительственною, и общественною традиціей московской Руси. Но оффиціальная и общественная точка зрѣнія не разъ кореннымъ образомъ расходились въ пониманіи внутренняго содержанія національной программы единодержавнаго правительства. Когда единодержавіе было отождествлено съ самодержавіемъ, а національная политика потребовала коренной ломки удѣльныхъ общественныхъ правъ, тогда московскому правительству пришлось начать новую борьбу: покончивъ съ удѣльными князьями, приняться за своего недавняго союзника, объявить войну удѣльному обществу и его удѣльному міровоззрѣнію.

Первые признаки этой борьбы обозначаются съ половины XV вѣка. Уже изъ сказаннаго выше можно видѣть, что то была борьба не за монархическій принципъ: единодержавіе было создано усиліями самого удѣльнаго общества. Борьба возгорѣлась вслѣдствіе того, что единодержавное правительство вынуждено было обмануть ожиданія общества, мечтавшаго объ упроченіи своихъ удѣльныхъ правъ подъ сѣнію московской монархіи.

III.

Съ половины XV вѣка московское правительство приступаетъ къ коренной переработкѣ государственныхъ порядковъ удѣльнаго происхожденія. Чѣмъ объясняется такая перемѣна московской политики? Почему московскіе князья превратились теперь въ разрушителей удѣльнаго режима? Мы только что указали одинъ, такъ сказать, отрицательный мотивъ этой перемѣны: съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ московскимъ князьямъ уже не предстояло необходимости конкурировать въ глазахъ населенія съ прочими князьями бережною охраной популярныхъ тогда удѣльныхъ правъ. Но были и другіе мотивы чисто-положительнаго свойства. Одинъ изъ нихъ косвеннымъ образомъ вытекъ изъ дальнѣйшаго роста религіозно-націоналистическаго міровоззрѣнія тогдашняго общества. Другой—былъ созданъ тѣмъ своеобразнымъ направленіемъ, по которому пошло развитіе государственныхъ потребностей того времени.

Мы только что видѣли, какъ подъ напоромъ общественнаго мнѣнія московскій князь выросъ въ представителя общенародныхъ національныхъ интересовъ. Къ концу XV вѣка русское общественное сознаніе осложняется рядомъ новыхъ элементовъ. Идея обще-рус-

скаго патріотизма разростается до грандіозныхъ размѣровъ идеи *панруссизма*. Русскіе публицисты начинаютъ провозглашать русскій народъ первымъ народомъ вселенной, избранникомъ Божіимъ, получившимъ отъ Провидѣнія преимущественное право на истинную божественную благодать. Громкія политическія событія содѣйствовали укорененію подобныхъ взглядовъ въ русскомъ обществѣ. Паденіе Константинополя, его подчиненіе власти „безбожныхъ агарянъ“, занимало въ ряду этихъ событій первое мѣсто. Русское общество издавна привыкло смотрѣть на Византію, какъ на единственную колыбель истиннаго православія; этимъ религіознымъ значеніемъ Византіи русскіе объясняли себѣ и ея руководящую роль на православномъ Востокѣ. Взятіе Константинополя турками, разрушившее политическое существованіе Византіи, отнимало у нея, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прежнее значеніе религіознаго центра. Религіозное міросозерцаніе русскаго общества могло подсказать публицистамъ этого времени лишь одно объясненіе совершившемуся факту: событія отняли у Византіи ея руководящую роль потому, что греки отступили отъ истиннаго православія. Но это заключеніе послужило въ свою очередь посылкой для новаго еще болѣе знаменательнаго вывода. Съ паденіемъ Византіи единственною представительницею

чистаго, древлего православія являлась Россія, къ ней, слѣдовательно, должна была перейти теперь принадлежавшая ранѣе Византіи религіозно-политическая гегемонія надъ всѣмъ православнымъ Востокомъ. Такимъ діалектическимъ путемъ въ русской публицистикѣ того времени сложилась новая теорія „третьяго Рима“, впервые громко высказанная въ 1492 г. митр. Зосимой во вновь составленной имъ *Пасхаліи* на восьмую тысячу лѣтъ и окончательно формулированная старцемъ Филоѳеемъ. Два Рима пали (т.-е. Римъ и Константинополь), третій Римъ—Москва, четвертому не быть. Эта теорія, популярная въ обществѣ, скоро получила и оффиціальную правительственную санкцію. Мы встрѣчаемъ наименованіе Москвы третьимъ Римомъ въ такихъ оффиціозныхъ произведеніяхъ, какъ Степенная книга, и въ такихъ оффиціальныхъ документахъ, какъ Уложенная грамота объ учрежденіи въ Россіи патріаршества. Но если Москва—преемница Византіи, отсюда былъ неизбѣженъ и дальнѣйшій выводъ: московскій князь – тотъ же византійскій царь и по значенію своей политической роли и по внутренней сущности своей верховной власти. На московскаго князя должны были перейти теперь всѣ прерогативы византійскаго царя. „Нынѣ прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго по-

ваго царя Константина великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, *новаго царя Константина новому граду Константину—Москвѣ* и всей Русской земли и инымъ многимъ землямъ государя", читаемъ мы въ Пасхаліи Зосимы *). Нѣкоторыя событія позволяли дать этому новому взгляду на власть московскаго князя фактическое обоснованіе. Публицисты припомнили извѣстный эпизодъ въ Москвѣ съ митрополитомъ Исидоромъ послѣ возвращенія его съ Флорентійскаго собора, когда московскій князь выступилъ такимъ энергичнымъ поборникомъ „древняго благочестія и православной вѣры" и не поскупились на краснорѣчіе, чтобъ оттѣнить религіозные мотивы княжеской политики. Они видѣли въ этомъ эпизодѣ осуществленіе одной изъ основныхъ чертъ византійскаго политическаго идеала, по которой монархъ являлся воинствующимъ стражемъ правовѣрія. Паденіе татарскаго ига окончательно облегчало пріуроченіе къ русскому князю и второй черты византійскаго идеала истиннаго царя: полной неограниченности власти не только во внутреннихъ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ иноземнымъ властителямъ. Согласно только что отмѣченной теоріи,

---

*) *Дьяконовъ:* «Власть московскихъ государей», стр. 66.

Византія теряла главенство надъ православнымъ міромъ въ силу своего подчиненія турецкому игу. Но надъ Русью тяготѣло тоже иноземное, татарское иго.

Этотъ фактъ сильно кололъ глаза теоретикамъ не только какъ народное бѣдствіе, но и какъ логическій абсурдъ съ точки зрѣнія ихъ политической теоріи. Одни умышленно закрывали глаза на этотъ фактъ, не желая поступиться своею теоріей, другіе съ горечью указывали на него, какъ на ненормальное и случайное явленіе, которое во что бы то ни стало должно исчезнуть. Теперь оффиціальное паденіе ига окончательно освобождало публицистовъ отъ тяжелой необходимости снабжать этою непріятною оговоркой свои побѣдоносные и гордые теоретическіе выводы. Наконецъ, бракъ Ивана III на Зоѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго Византійскаго царя, явился какъ бы символическимъ выраженіемъ идеи наслѣдованія московскими князьями исторической миссіи угасшаго византійскаго царства. Всѣ эти факты тщательно подбирались русскими публицистами того времени и такъ или иначе прилаживались къ подкрѣпленію и развитію основной темы ихъ трактатовъ. Затѣмъ въ подспорье историческимъ фактамъ пускаются въ ходъ и историческія легенды. Создается настоящій циклъ легендъ объ одновременномъ перемѣщеніи

изъ Византіи на Русь различныхъ эмблемъ православной святости и верховной политической власти надъ всѣмъ православнымъ міромъ. Съ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ излагаемая теорія нѣсколько модифицировалась. Въ перенесѣ на русскаго князя власти византійскаго царя все еще ощущался значительный элементъ случайности: не будь нашествія турокъ на Византію и Русь по-прежнему должна бы была уступать Византіи пальму высшаго верховенства надъ православнымъ міромъ. И въ теорію была внесена поправка. Завоеваніе Константинополя турками было признано лишь внѣшнею формой, въ которую Промыслу угодно было облечь осуществленіе его исконныхъ предначертаній. Согласно этимъ предначертаніямъ, первому Риму и второму Риму-Царьграду было отмѣрено изначала опредѣленное время верховнаго господства надъ истиннымъ христіанствомъ; по истеченіи положенныхъ сроковъ должно наступить уже вѣчное безсрочное господство русскаго православнаго царства: „четвертому Риму не быть“. Получалась цѣлая схема послѣдовательнаго перехода изъ страны въ страну гегемоніи надъ всѣмъ христіанствомъ.

Эта модификація окончательно завершила развитіе ученія о переходѣ на Русь исторической роли, нѣкогда принадлежавшей Визан-

тіи. Характернѣйшею отличительною чертой этого ученія слѣдуетъ признать тѣсное взаимное переплетеніе религіозныхъ и политическихъ идей. Присвоенная теперь Россіи *религіозная* миссія воинствующей охраны истиннаго православія существеннымъ образомъ осложняла въ глазахъ русскаго общества и чисто-*политическое* международное положеніе Россіи: предѣлы московскаго единодержавія расширялись теперь далеко за границы объединенной Руси, въ рукахъ московскаго князя сосредоточивалась религіозно-политическая гегемонія надъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ. Московское правительство старается облечь эту мысль въ громкія, торжественныя формулы, въ которыхъ иногда можно даже разглядѣть отдаленные отблески идей, входившихъ въ составъ западнаго средневѣковаго идеала священной имперіи. Такъ, въ соборномъ утвержденіи вѣнчанія на царство Ивана IV послѣдній названъ „Государемъ всѣхъ христіанъ отъ востока, до запада и до океана“ *). X

Русское общество высоко цѣнило изложенную доктрину съ точки зрѣнія открываемыхъ ею блестящихъ перспективъ, заманчивыхъ для чувства національной гордости. Представле-

*) *Каптеревъ:* «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст.» стр. 30.

ніе объ исключительной роли „Богомъ избраннаго народа“—вотъ что сообщало этой доктринѣ неотразимо-притягательную силу въ глазахъ русскаго общества, сдѣлало изъ нея наиболѣе популярную тему публицистической литературы. За всѣмъ этимъ для увлекавшагося большинства заслонилась другая существенная сторона того же ученія. Льстившее чувству народной гордости, то же ученіе направлялось своимъ остріемъ противъ наиболѣе дорогихъ для тогдашняго общества прерогативъ общественной свободы. Новая теоретическая постановка власти московскаго князя кореннымъ образомъ должна была повліять не только на международное положеніе Московіи, но и на внутреннія отношенія московскаго правительства къ управляемому имъ обществу. Въ качествѣ преемника византійскаго царя русскій князь долженъ былъ разсматриваться теперь, какъ земное орудіе божественной воли.

Отсюда вытекалъ рядъ практическихъ выводовъ, передъ совокупностью которыхъ *теряли raison d'être договорныя* отношенія удѣльной эпохи. Но представленіе о происхожденіи княжеской власти исключало всякую общественную инищіативу въ установленіи взаимныхъ отношеній общества и правительства, слѣдовательно приводило къ полному отрицанію двухъ основныхъ устоевъ удѣльной

свободы: *права ряда и права отъѣзда*; оно исключало, далѣе, всякую возможность свободной критики княжескихъ правительственныхъ дѣйствій („сваритеся съ княземъ никакъ нельзя“*), устанавливая отвѣтственность князя передъ однимъ Божествомъ.—Отвѣтомъ на княжескій гнѣвъ и даже на княжескую несправедливость должны быть кротость и смиреніе, ибо ропотъ противъ князя есть ропотъ противъ Бога, а княжеская жестокость—ничто иное, какъ божественная кара народныхъ прегрѣшеній. Такимъ образомъ, популярная въ обществѣ идея о наслѣдованіи Россіей политическаго и религіознаго значенія Византіи послѣдовательно приводила къ коренному отрицанію столь же популярнаго въ то время удѣльнаго общественнаго уклада. Правительство отнюдь не ограничивалось областью чистой теоріи. Оно приступило къ практической переработкѣ государственно-общественныхъ отношеній.

Какую форму приняло практическое осуществленіе новыхъ политическихъ принциповъ? Здѣсь надо принять во вниманіе второй факторъ назрѣвавшаго переворота. Выводы, сдѣланные изъ иноземной теоріи, случайнымъ образомъ совпали съ практическими потребностями текущаго момента русской жизни:

---

*) *Дьяконовъ.* стр. 102.

то были неотложныя потребности военной самообороны. Раньше уединенное, московское княжество, вобравъ въ себя всѣ прочіе удѣлы, стало теперь лицомъ къ лицу съ воинственными сосѣдями тогдашней Руси: татарами и литвой. Въ виду непрерывной военной опасности Москвѣ пришлось реорганизоваться на новыхъ началахъ. Подъ давленіемъ событій русское государственное устройство начинаетъ отливаться въ форму чисто-*военной монархіи*. Режимъ военнаго лагеря—плохая школа общественной свободы, а между тѣмъ, милитаризмъ дѣлался коренною чертой нарождавшагося московскаго политическаго строя. Мы представили выше его отличительныя черты. Всѣ онѣ сводятся къ безповоротному отрицанію удѣльной старины.

Все это были явленія, совершенно не входившія въ первоначальныя предположенія тѣхъ общественныхъ слоевъ, на плечахъ которыхъ московскіе князья утвердили свое политическое возвышеніе. Вотъ почему въ отвѣтъ на новое направленіе тотчасъ обозначается и новый знаменательный фактъ въ исторіи общественныхъ настроеній *появляется антиправительственная оппозиція*. Разъ появившись, она быстро крѣпнетъ и обостряется въ своихъ проявленіяхъ. Дружина, еще недавно льнувшая ко двору московскаго

князя, становится крамольною дружиной. Правительство признаетъ силу и опасность этого движенія. Князь вступаетъ въ упорную борьбу со своими „думами и воями", которыхъ онъ съ такимъ усерднымъ рвеніемъ собралъ вокругъ себя съ разныхъ уголковъ раздробленной удѣльной Руси, которымъ онъ посвящалъ иногда въ своихъ духовныхъ грамотахъ трогательныя признанія тѣсной солидарности *). Эта борьба, поднявшись съ половины XV вѣка, перешла затѣмъ и въ XVI вѣкъ, какъ одинъ изъ господствующихъ фактовъ нашей исторіи за весь ея до-Романовскій періодъ и, придавъ такой острый и болѣзненный характеръ процессу нарожденія новаго государственнаго порядка, разрѣшилась, затѣмъ, и не менѣе болѣзненнымъ эпилогомъ: такъ называемымъ „смутнымъ временемъ".

Такъ еще задолго до воцаренія Грознаго, еще съ половины XV вѣка, Москва уже начинала жить довольно лихорадочною жизнью. Не одинъ разъ столкновеніе партій грозило разростись въ междоусобную войну. Служилые князья, около которыхъ группировались теперь носители удѣльныхъ традицій, не разъ хватались за оружіе, московскій князь выступалъ на нихъ походомъ и только внезапный

*) *С. Г.:* «Грам. и догов.» I, № 24. Воскрес. 1389 г.

татарскій набѣгъ, грозя одинаковымъ разрушеніемъ и той, и другой сторонѣ, если не прекращалъ, то отсрочивалъ развитіе домашней распри Усобицы перемежались съ дворцовыми революціями. Когда при Иванѣ III вспыхнула борьба двухъ дворцовыхъ партій, бояре вмѣшались въ эту борьбу и тотчасъ вплели свои политическія притязанія въ династическіе счеты двухъ вѣтвей княжескаго дома. Видная дружинная знать сплотилась вокругъ потомства первой жены Ивана III противъ партіи византійской ех-принцессы Софіи Палеологъ.

Отвѣтомъ на это возбужденное общественное броженіе явилась система правительственнаго террора. Пошли опалы и казни. Терроръ дѣлалъ свое дѣло. Иванъ III сломилъ двѣ самыя видныя боярскія фамиліи того времени: Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ — вождей только что упомянутаго дворцоваго заговора. Ряполовскому отрубили голову. Патрикѣевыхъ раскассировали по отдаленнымъ глухимъ монастырямъ. Смертная казнь дѣлается обычнымъ пріемомъ правительства. Случаи ея примѣненія учащаются. Княженіе Василія III ознаменовывается уже цѣлымъ рядомъ казней и жестокихъ политическихъ каръ. За попытки сопротивленія рубятъ головы, за крамольныя рѣчи рѣжутъ языки.

Вмѣстѣ съ этимъ антиправительственная оппозиція вступаетъ въ новый фазисъ.

Чувство недовольства и раздраженія уходитъ въ глубь общества: придавленное сверху, оно получаетъ скрытое подпольное распространеніе. Отважные мятежники превращаются въ озлобленно-тоскующихъ, разочарованныхъ пессимистовъ. Продолжительныя неудачи притупляютъ въ нихъ прежній вкусъ къ дѣйствію, прежнюю вѣру въ будущее. Скучающіе пессимисты, они собираются тайкомъ въ тѣсные кружки и здѣсь въ интимной бесѣдѣ хоронятъ изліянія своихъ оскорбленныхъ и озлобленныхъ чувствъ. Келья Максима Грека являлась, повидимому, однимъ изъ такихъ потаенныхъ центровъ сдавленной общественной оппозиціи *). Но тлѣющая искра этого оппозиціоннаго, такъ сказать, „удѣльнаго" направленія не потухала совершенно. Живучесть этого направленія тотчасъ же сказалась въ рядѣ довольно внушительныхъ движеній со стороны служилыхъ князей, лишь только умеръ Василій III, и во главѣ государства за малолѣтствомъ новаго князя стала женщина. Оппозиціонная партія разсчитывала на слабость новаго правительства, не ожидая, что регентство Елены Глинской быстро превратится въ диктатуру Телепнева-Обо-

*) *Акты археограф. экс.* I, № 172.

ленскаго. Шаги служилыхъ князей тотчасъ нашли себѣ сочувствующій отголосокъ среди населенія, такъ что, какъ говоритъ лѣтописецъ, „многіе московскіе люди поколебались“ *).

Мы не намѣрены излагать здѣсь фактическое развитіе отношеній правительства и оппозиціи. Достаточно указать на то, что въ оба разсматриваемыя нами княженія Ивана III и Василія III со стороны правительства безостановочно шла усиленная организаціонная работа по переустройству государственнаго порядка на отмѣченныхъ выше новыхъ началахъ. Всѣ относящіяся сюда нововведенія встрѣчались то открытымъ сопротивленіемъ, то сдавленнымъ, глухимъ ропотомъ населенія. Правительственная реформа носила рѣзко принудительный характеръ. Такъ завязалась та взаимная борьба правительства и общества, которая была затѣмъ унаслѣдована и эпохой Ивана Грознаго. Вызванная первоначально реальными интересами, эта борьба пустила такіе глубокіе корни въ господствующее сознаніе и той, и другой партіи, отложила въ чувствахъ той и другой такъ много взаимнаго раздраженія, что ей уже невозможно было, затѣмъ, прекратиться безъ кореннаго измѣненія общихъ условій русской жизни. Она

*) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи», т. VI, гл. I.

и тянется сплошною полосой черезъ весь XVI вѣкъ русской исторіи. *Борьба носила, такимъ образомъ, чисто-политическій характеръ.* Мы и остановимся теперь, насколько то позволяетъ состояніе источниковъ, на основаніяхъ *теоретической программы* антиправительственной оппозиціи. Во первыхъ, удѣльная оппозиція была недовольна самымъ фактомъ правительственнаго разрыва со стариной. Она была противъ реформы во всемъ ея объемѣ. Убѣгающее въ даль прошлое являлось въ ея глазахъ золотымъ вѣкомъ общественнаго благополучія. Берсень-Беклемишевъ, повидимому, самый дѣятельный ораторъ въ оппозиціонномъ кружкѣ, группировавшемся въ кельѣ Максима Грека, слѣдующимъ образомъ выразилъ это господствующее настроеніе своей партіи: „Максимъ, господине, вѣдаеши и самъ и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля перестанавливаетъ обычаи свои и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти?"*). Въ этихъ словахъ выразилось, какъ будто, теоретическое провозглашеніе общественнаго застоя, отрицаніе самого принципа какой бы то ни было реформы, консерватизмъ для консерватизма. Мы думаемъ, однако, что не та-

*) *Акты археолог. эксп.* I, № 172.

кова была исходная точка тогдашнихъ оппозиціонныхъ воззрѣній. Сущность оппозиціонной програмы заключалась тогда не въ отрицаніи реформы вообще, а въ сознательной критикѣ именно текущихъ реформъ, поскольку послѣднія шли въ разрѣзъ съ основами удѣльнаго строя. Берсень протестуетъ противъ превращенія нѣкогда свободной дружины въ постоянный классъ служилыхъ людей, онъ протестуетъ противъ устраненія общества отъ прежняго участія въ политической дѣятельности, „Прежде,—говоритъ онъ, — людей жаловали и старыхъ почитали, а теперь государь запершись самъ третей у постели дѣла дѣлаетъ". Все это естественно дѣлало невозможной какую бы то ни было открытую критику правительственныхъ дѣйствій: „Государь нашъ упрямъ,—говорилъ тотъ же Берсень,—и *встрѣчи* (возраженія) противъ себя не любитъ и кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется" *).

Представители дружины естественымъ образомъ обрушивались своею критикой на тѣ именно проявленія новаго теченія, которыя затрогивали старинныя дружинныя прерогативы. Они протестовали, они обличали pro domo sua, устраненіе права „отъѣзда", устраненіе права „совѣта" – вотъ любимыя темы ихъ жалобъ. Но

*) Ibid.

этимъ не ограничивалась сфера оппозиціонной критики вообще. Люди, болѣе вдумчивые въ смыслъ совершавшихся или назрѣвавшихъ перемѣнъ и менѣе заинтересованные лично въ оцѣнкѣ ихъ послѣдствій, брали вопросъ и глубже, и шире. Они понимали, что дѣло заключалось не въ одной принудительной правительственной ломкѣ старыхъ учрежденій, но въ общихъ, такъ сказать, „крѣпостническихъ" тенденціяхъ эпохи, одинаково проявлявшихся и въ правительственныхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ и въ частно-хозяйственной практикѣ тѣхъ же бывшихъ дружинниковъ-землевладѣльцевъ. Параллельно съ процессомъ законодательнаго закрѣпощенія бывшей удѣльной дружины уже въ то время довольно усиленнымъ темпомъ шелъ процессъ экономическаго закрѣпощенія бывшаго удѣльнаго свободнаго крестьянства. Вдумчивые наблюдатели понимали, что оба эти процесса ведутъ къ одному конечному результату – переустройству прежнихъ государственно-общественныхъ отношеній; они понимали, что то же правительство своими мѣрами пойдетъ на встрѣчу экономическому закрѣпощенію крестьянства, пожнетъ его плоды въ цѣляхъ своего собственнаго плана новой государственной организаціи. Такъ и случилось, какъ извѣстно. Законодательство въ свое время санкціонировало крестьянскую закрѣпощенность,

ввело этотъ назрѣвшій жизненный фактъ въ общую систему прочихъ государственныхъ установленій и сообщило ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, новое политическое назначеніе: закрѣпощенное крестьянство было сдѣлано тогда орудіемъ обязательнаго матеріальнаго обезпеченія службы столь же закрѣпощеннаго класса „служилыхъ людей". Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка этотъ конечный результатъ былъ еще далекъ отъ осуществленія. Но передовые умы вѣка его предчувствовали. Мы находимъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ того времени яркія обличительныя картины изъ области землевладѣльческой практики; среди отмѣчаемыхъ здѣсь золъ на первомъ планѣ всегда стоитъ экономическое порабощеніе крестьянства. Вотъ нѣкоторые весьма характерные въ этомъ отношеніи образщики. Вассіанъ Патрикѣевъ, талантливый публицистъ изъ лагеря „заволжскихъ старцевъ", пишетъ въ одномъ изъ своихъ полемическихъ посланій: „Мы сребролюбіемъ и несытостью побѣждены, живущія братія наша убогія *въ селехъ* нашихъ различными образы оскорбляемъ ихъ и *лесть на лесть и лихву на лихву на ихъ налагающе*, милость же нигдѣ къ нимъ показующе, ихъ же *егда не возмогутъ отдати лихвы, отъ имѣній ихъ обнажахомъ* безъ милости, коровку ихъ и лошадку отъемше, самехъ же съ женами и дѣтьми да-

лече отъ своихъ предѣлъ, аки скверныхъ, отгнахомъ, нѣкіихъ же и *княжеской власти* предавше, истребленію конечному положихомъ".

Здѣсь мѣтко установлена основная причина крестьянскаго закрѣпощенія: безвыходная задолженность крестьянства. Экономическое рабство быстро приводило въ то время къ утратѣ личной свободы. Вассіанъ продолжаетъ: „Аки своя душя възненавидяще, яко противу заповѣдей господьскихъ, ополчающеся, обидимъ и грабимъ, продаваемъ крестьянъ, братій нашихъ, и бичемъ ихъ истязуемъ безъ милости, аки звѣри дивіи на тѣлеса ихъ наскакающе" *). Много разъ съ необыкновенною настойчивостью и въ томъ же самомъ направленіи подымаетъ этотъ вопросъ въ своихъ различныхъ произведеніяхъ не однажды упомянутый выше Максимъ Грекъ. Онъ еще обстоятельнѣе и детальнѣе рисуетъ намъ постепенную подготовку крестьянскаго закрѣпощенія. Разъ завязавшаяся петля крестьянской задолженности затягивалась все туже и туже. „Нынѣ, — пишетъ Максимъ, — дерзаемъ мы на *бѣдныхъ селянехъ*, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты и расхищающе ихъ, не могущихъ отдати заемое и наипаче тружающихся безпрестани и стражущихъ въ се-

*) *Православный Собесѣдникъ* 1863 г., III.

лѣхъ нашихъ“... Между тѣмъ, оттяжка уплаты сдѣлашнаго однажды долга, наростаніе по немъ изнурительныхъ процентовъ вело въ свою очередь къ увеличенію его первоначальной цифры. Обычная неправда и хищеніе, по словамъ Максима Грека, заключаются въ томъ, чтобы „росты тягчайши о взаимнѣмъ серебрѣ по вся лѣта истязати бѣдныхъ селянъ и никогда же оставити имъ истину, многа ужѣ лѣта вземше ю много сугубно многовременными росты“. Эта затяжная задолженность у кредитора-землевладѣльца приводила, какъ извѣстно, къ фактическому уничтоженію права свободнаго перехода для должника-земледѣльца, чѣмъ и расшатывался также одинъ изъ устоевъ удѣльнаго порядка. Максимъ Грекъ отмѣтилъ въ своихъ сочиненіяхъ и это знаменательное явленіе: „Аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ за приидущій годъ, оле безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ... къ симъ же аще кто отъ нихъ изнемогъ тягостію налагаемыхъ имъ безпрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, *восхощетъ инд҄ѣ нѣгдѣ переселитися, не отпущаемъ его,* увы, *аще не положитъ* уставленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ“ *). Приведенные до сихъ поръ отрывки

*) *Сочиненія Максима Грека.* II, стр. 94—95, 104, 131, 132.

касаются монастырскаго землевладѣнія, и можно было бы думать, что заключающіяся въ нихъ стрѣлы обличенія направлены не столько вообще противъ отмѣчаемыхъ явленій землевладѣльческой практики, сколько противъ неблаговидныхъ стяжательныхъ поступковъ землевладѣльческихъ монастырей. Несомнѣнно и этотъ мотивъ имѣлъ для цитируемыхъ авторовъ въ высшей степени важное значеніе, въ особенности въ разгаръ полемики о вотчинныхъ правахъ монастырей. Но Максимъ Грекъ нѣсколько разъ посылаетъ тѣ же самыя обличенія и по адресу свѣтскихъ, „мірскихъ" землевладѣльцевъ. Самое проникновеніе выше отмѣченныхъ явленій въ сферу монастырскаго землевладѣнія Максимъ объясняетъ даже въ одномъ своемъ „словѣ" какъ разъ слишкомъ широкимъ распространеніемъ ихъ въ міру. Зло это такъ сильно преумножилось въ русской землѣ, что, въ концѣ концовъ, захватило своимъ тлетворнымъ дыханіемъ даже „преподобныхъ Божіихъ святителей и священниковъ, и архимандритовъ, и игуменовъ нашихъ" *). Правда, и въ этомъ случаѣ нашимъ авторамъ можно приписывать не политическія, а филантропическіе мотивы. Однако, весьма знаменательно, что Вассіанъ Патрикѣевъ, и Максимъ Грекъ всегда были

*) Ibid., II, стр. 130, 206; ср. стр. 209—210.

окружены сторонниками политической оппозиціи, съ которыми ихъ соединяли весьма тѣсныя связи. А, между тѣмъ, въ разсматриваемую эпоху, какъ увидимъ, политическіе идеалы имѣли опредѣляющее, рѣшающее вліяніе на складъ всего міросозерцанія людей той или другой партіи, окрашивая въ извѣстный опредѣленный оттѣнокъ ихъ воззрѣнія даже и по такимъ вопросамъ, которые отстояли весьма далеко отъ сферъ чистой политики.

Съ другой стороны, люди того времени, подходившіе даже къ рабовладѣльческому вопросу съ чисто-филантропической точки зрѣнія, трактовали его иначе. Они ратовали за смягченія суроваго обращенія съ подневольными людьми, настаивали на необходимости признавать въ нихъ христіанскую душу, нуждающуюся въ личномъ спасеніи, возставали въ силу этого противъ запрещенія рабамъ, оставляя своихъ господъ, идти въ монахи, но нигдѣ не поднимали своего голоса противъ самаго принципа личнаго порабощенія человѣка *), а, между тѣмъ, вопросъ о рабовладѣніи съ точки зрѣнія филантропической, конечно, долженъ былъ считаться еще болѣе острымъ и жгучимъ, чѣмъ вопросъ объ экономическихъ, хотя бы и безвыходныхъ

*) *Хрущовъ:* «Сочиненія Іосифа Санина», стр. 90—94. Ср. *Щановъ:* «Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей» passim.

затрудненіяхъ должающаго крестьянства. Мы предполагаемъ отсюда, что и эти вышеприведенныя филиппики противъ нарождающагося крестьянскаго закрѣпощенія были внушаемы также сокрушеннымъ опасеніемъ разрушенія стариннаго, удѣльнаго, свободнаго общественнаго уклада. Этимъ восполнялись нѣсколько одностороннія заявленія дружинной оппозиціи.

Дружинники волновались чисто-политическими, правительственными реформами; люди, какъ Вассіанъ и Максимъ, поднимали соціальный вопросъ, ставя и его въ прямую связь съ вопросомъ политическимъ, какъ бы желая отмѣтить, что дружинники, протестуя противъ правительственной тенденціи дружиннаго закрѣпощенія, сами играютъ въ его же руку подготовленіемъ закрѣпощенія крестьянскаго.

Перебирая, такимъ образомъ, черту за чертой, подробность за подробностью среди условій вновь нарождающагося порядка, представители оппозиціи восходили, въ тоже время, и до коренныхъ причинъ наступившаго переворота. Здѣсь совершенно основательно было отмѣчаемо и дѣйствіе мѣстныхъ суровыхъ условій, вытекавшихъ изъ необходимости постоянной военной самообороны и вліяніе иноземной, византійской теоріи о взаимныхъ отношеніяхъ правителей и обществъ. И то, и другое, опять-таки, дѣлалось предметомъ

горькихъ жалобъ и обличеній. Въ одномъ изъ сочиненій Максима Грека (*Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинния царей и властей послѣдняго житія*) находимъ любопытное аллегорическое изображеніе страждущей Россіи въ видѣ удрученной женщины, сидящей на распутьи; облеченная въ черную одежду, она сидѣла, „наклонну имуща главу свою на руку... стоняща горцѣ и плачуща безъ утѣхи", со всѣхъ сторонъ ее окружали звѣри: „львы и медвѣди, и волцы, и лиси". Поэтическое изображеніе Россіи, на всѣхъ границахъ угрожаемой враждебными сосѣдями. Имя женщины было Василія, что значитъ царство. На вопросъ, что означаетъ ся терпистый путь и эти осаждающіе ее звѣри, она отвѣчала: „этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго сего послѣдняго вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрномудренныхъ царей, ревнителей Отца моего Небеснаго". Нынѣшніе цари ищутъ не того, чтобы прославить Вышняго праведными дѣяніями и благотвореніями, но „яко да себѣ расширяетъ предѣлы державъ своихъ, другъ на друга враждебнѣ ополчашеся, другъ друга обидяще и кровопролитію радующеся вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивіи всяческими лаяніи и лукавствы" *).

---

*) *Сочиненія Максима Грека*, II, стр. 335—336.

Въ „главахъ поучительныхъ начальствующимъ правовѣрно“ Максимъ такимъ образомъ опредѣляетъ качества желательнаго царскаго совѣтника: „Дивна совѣтника и доброхотна твоему царствію оного возмни, *не иже черезъ правду на рати и воеванія вооружаетъ тя*, но еже совѣтуетъ тебѣ миръ и примиреніе любити всегда со всѣми окрестными сосѣды богохранимыя ти державы“ *). Хроническая война, безпрерывная мобилизація выставлялась, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ основаній изнурительныхъ внутреннихъ потрясеній, а вопросы внѣшней политики, совершенно справедливо, считались главнымъ и важнѣйшимъ предметомъ правительственныхъ заботъ, исходною точкой всей дальнѣйшей правительственной системы. Въ то же самое время, однако, другой рядъ заявленій изъ среды оппозиціонной партіи приписываетъ рѣшающее значеніе въ возникновеніи всѣхъ непріятныхъ новшествъ греческому вліянію. Имя Софіи Палеологъ сдѣлалось чернымъ именемъ въ устахъ представителей оппозиціи. Не слѣдуетъ думать, что главною виной ея считали въ этомъ случаѣ ея пагубное *личное* вліяніе на великаго князя Ивана III. Еще важнѣе было то, что съ прибытіемъ Софіи получало сильную поддержку греческое вліяніе

---

*) Ibid., стр. 126.

вообще, весь тотъ кругъ политическихъ идей и представлений, который, какъ мы видѣли выше, столь діаметрально расходился съ характеромъ политическаго міросозерцанія удѣльнаго общества. Немудрено поэтому, что теперь въ глазахъ удѣльной партіи съ понятіемъ о грекахъ связывалось представленіе объ утратѣ всѣхъ дорогихъ ей прерогативъ. Эта партія взглянула, — и она была въ значительной степени права въ этомъ отношеніи, — на всѣ ненавистныя ей новшества, какъ на пересадку византійскихъ понятій и порядковъ на русскую почву. Эта точка зрѣнія какъ нельзя лучше выразилась въ извѣстномъ разговорѣ Берсеня-Беклемишева съ Максимомъ Грекомъ: „Какъ пришла сюда, — говорилъ Берсень,—мати великаго князя, великая княгиня Софья *съ вашими греки,* такъ наша земля замѣшалася и пошли нестроенія великія, *какъ у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царехъ*“ *).

Собирая воедино дошедшіе до насъ разрозненные голоса представителей оппозиціи, мы приходимъ, такимъ образомъ, къ весьма опредѣленнымъ заключеніямъ. Это не случайныя вспышки личнаго раздраженія или *временной неудовлетворенности* какими-либо частными, единичными явленіями, это—широкая,

*) А. А. Э., I, № 172.

принципіальная критика всего правительственнаго курса въ его цѣломъ. Правда, эта критика не получила въ то время систематическаго и всесторонняго литературнаго выраженія. Можетъ быть, для этого не оказалось въ наличности подходящихъ литературныхъ силъ, можетъ быть, этому помѣшали неблагопріятныя для свободнаго обличенія внѣшнія условія. Тѣмъ не менѣе, для насъ несомнѣнно, что отмѣченная выше борьба двухъ политическихъ партій направлялась вполнѣ сознательными, теоретическими мотивами. Представлять ее слѣпой стычкой разгоряченныхъ страстей было бы совершенно незаслуженнымъ умаленіемъ ея истиннаго значенія. Но этого мало; поднявшаяся политическая борьба давала въ то время направляющій тонъ и всѣмъ другимъ отправленіямъ общественной мысли. Въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя крупными политическими партіями,—назовемъ ихъ партіей закрѣпощенія и партіей удѣльной свободы,—складывались двѣ, если можно такъ выразиться, культурныя партіи іосифлянъ и „заволжскихъ старцевъ". Іосифляне льнули къ московскимъ правительственнымъ кругамъ (вождь этой партіи Іосифъ Волоцкій былъ усерднѣйшимъ литературнымъ популяризаторомъ византійской политической доктрины, лучшему ученику Іосифа м. Даніилу принадлежитъ ученіе *о страхѣ,* какъ объ основѣ

нормальнаго политическаго порядка *); отдаленныя пустыни „заволжскихъ старцевъ“ заключали въ себѣ, напротивъ, какую-то особенно притягательную силу для всѣхъ оппозиціонныхъ или опальныхъ элементовъ тогдашняго общества. Необыкновенная цѣльность общаго направленія лежитъ въ основаніи воззрѣній каждой изъ этихъ діаметрально противуположныхъ партій въ вопросахъ самаго различнаго содержанія. Это—два исключающія другъ друга міросозерцанія. Въ сущности, обѣ эти борьбы—и политическая, и культурная—составляли двѣ стороны одного и того же процесса, недаромъ мы находимъ у нихъ такъ много точекъ соприкосновенія. Ограничимся слѣдующимъ примѣромъ. Чѣмъ долженъ быть монастырь? Кажется, это вопросъ не особенно жгучій съ точки зрѣнія какой бы то ни было политической программы?

Въ глазахъ заволжцевъ—монастырь не что иное, какъ удобная арена для подвиговъ личнаго душевнаго спасенія. Между тѣмъ, для Іосифа Волоцкаго монастырь, прежде всего, одно изъ звеньевъ въ системѣ государственныхъ учрежденій. Въ своемъ взглядѣ на монастырь Іосифъ выступаетъ, по нашему мнѣ-

---

*) *Дьяконовъ:* «Власть московскихъ государей», стр. 105.

нію, остроумнѣйшимъ толкователемъ московской политической системы. Передъ всепоглощающею силой государственнаго союза всякія общественныя соединенія теряютъ право на существованіе, разъ они не служатъ органомъ для несенія извѣстной государственной повинности—вотъ принципъ этой системы. Отсюда и монастырь долженъ получить свою обязательную государственную миссію: монастырь, по Іосифу, обязанъ служить для государства поставщикомъ способныхъ лицъ для занятія высшихъ постовъ духовной іерархіи. На выполненіе этой миссіи должны быть направлены всѣ подробности монастырской организаціи.

Мы достаточно видѣли теперь, какъ далеко разошлись воззрѣнія правительства и стремленія общества къ канупу царствованія Ивана Грознаго. Послѣ всѣхъ, только что приведенныхъ, соображеній намъ представляется праздньімъ вопросъ о томъ, могла ли существовать у Грознаго реальная, а не фиктивная оппозиція. Согласимся, что по особенностямъ своей натуры Грозный былъ созданъ для кровожаднаго террора. Можно только сказать, что онъ родился въ моментъ достаточно подходящій для упражненія заложенныхъ въ немъ террористическихъ способностей. Не зачѣмъ было изобрѣтать воображаемыхъ враговъ. Разбитая на двѣ партіи, Россія заключала въ себѣ дос-

таточно историческихъ прецедентовъ для дѣйствительной борьбы.

IV.

Теперь мы можемъ обратиться къ Ивану Грозному и его оппозиціи. Сличая теоретическія profession de foi представителей враждующихъ сторонъ, мы замѣчаемъ, что новые борцы цѣпляются за старыя идеи и аргументы. Ничто не измѣнилось и не явилось ничего новаго. Передъ нами все та же, еще не разрѣшившаяся тяжба двухъ непримиримыхъ партій, двухъ несогласимыхъ программъ. Живая связь развертывающихся теперь событій съ лицами и фактами двухъ предшествовавшихъ княженій сквозитъ на каждомъ шагу, назойливо мечется въ глаза изслѣдователя.

Иванъ Грозный — всецѣло выученикъ іосифлянъ. Онъ жаркій почитатель *Просвѣтителя* Іосифа Волоцкаго. Его царствованіе — время высокаго фавора іосифлянской партіи. Недаромъ, уже по смерти Грознаго царя, іосифляне съ чувствомъ вспоминали объ этомъ времени, когда имъ „укоризны никакой не бывало и никто на нихъ не сказалъ безчестнаго слова“ *). Съ другой стороны, литературный представитель оппозиціи, Курбскій, не

*) Карамзинъ, т. VIII, примѣч 394. *Тихонравовъ:* «Лѣтописи русской литерат.», т. V, стр. 142—143.

менѣе тѣсно примыкаетъ къ партіи „заволжцевъ“. Въ *Исторіи князя великаго московскаго* Курбскій не оставляетъ въ читателѣ никакихъ сомнѣній насчетъ своихъ отношеній къ іосифлянамъ и заволжцамъ. Первыхъ онъ прямо мѣшаетъ съ грязью. Это — богатолюбивые иноки, льстивые потаковники царей и властей, развратные сластолюбцы, заботящіеся лишь о приращеніи своимъ монастырямъ богатствъ и имѣній. Напротивъ, заволжцамъ Курбскій не одинъ разъ посвящаетъ прочувствованныя хвалебныя строки. Онъ симпатизируетъ всему строю ихъ воззрѣній. Такъ, напримѣръ, онъ вполнѣ присоединяется къ ихъ нестяжательнымъ тенденціямъ. Но съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ онъ ихъ политическое оппозиціонное направленіе. За Волгой-рѣкой, — пишетъ Курбскій, — есть великіе монастыри, гдѣ живутъ „храбрые воины Христовы, иже воюютъ сопротивъ началъ властей темныхъ, міродержцевъ вѣка сего“ *). Эти симпатіи и связи самымъ существеннымъ образомъ сказывались и на содержаніи тѣхъ идей, которыя полагались авторами въ основаніе ихъ публицистическихъ произведеній. Резюмируемъ эти идеи.

Самъ Грозный въ своихъ писаніяхъ — безпорядочныхъ, „многошумящихъ“, тѣмъ не

---

*) *Сказанія кн. Курбскаго*, т. I, стр. 51, 168.

менѣе, съ полной опредѣленностью высказалъ свой политическій идеалъ. Мы перечислимъ сейчасъ тѣ составныя понятія, изъ которыхъ этотъ идеалъ сложился. *Единодержавіе, богоустановленность власти, отрицаніе возможности какой бы то ни было оппозиціи, отвѣтственность передъ Богомъ за свой народъ, тираннія* — вотъ эти понятія. Въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому Грозный пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы исторически установить спасительность единодержавія съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Онъ приводитъ длинный рядъ историческихъ примѣровъ, доказывающихъ вредъ отъ раздробленности государствъ. Мы уже знаемъ, что политическій догматъ единодержавія одинаково раздѣлялся какъ московскимъ правительствомъ, такъ и удѣльнымъ обществомъ. Но Грозный понимаетъ единодержавіе лишь при условіи неограниченнаго произвола. Въ началѣ его перваго посланія къ Курбскому Грозный приводитъ свои теоретическія соображенія.

Въ ходѣ его мыслей можно разчленить три самостоятельные, хотя и тѣсно между собою связанные аргумента: 1) аргументъ націоналистическій: доставшаяся князьямъ власть основывается на тѣхъ высокихъ заслугахъ, которыя они оказали странѣ доблестной военной обороной ея національной самостоятель-

ности. Грозный упоминаетъ при этомъ: „храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными нѣмцы побѣду показавшаго“ и „хвалы достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными агаряны велику побѣду показавшаго“; 2) извѣстное уже намъ ученіе о „третьемъ Римѣ“, о наслѣдственномъ, такъ сказать, переходѣ господства на Русь изъ Византіи, „отъ грекъ“; 3) ученіе историческаго провиденціализма и, какъ выводъ отсюда, ученіе о богоустановленности власти. И военные тріумфы московскихъ князей и переходъ на Русь византійскаго величія—все это одинаково совершилось „Божіимъ изволеніемъ“. „Отъ Бога данная мнѣ держава, отъ прародителей нашихъ“, „да познаютъ люди единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ Государя“, „азъ восхищеніемъ ли, или ратью, или кровію сѣлъ на государство? Народился есми Божіимъ изволеніемъ на царство“. Эти и подобныя имъ заявленія щедро расточаются Грознымъ на каждой страницѣ его посланій. Идея богоустановленности власти съ точки зрѣнія тогдашнихъ политическихъ теоретиковъ сама въ себѣ заключаетъ уже отрицаніе законности какой бы то ни было антиправительственной оппозиціи. Власть богоустановленная, по воззрѣніямъ Грознаго, есть власть абсолютная. „Жаловати есми своихъ

холопей вольны, а и казнить ихъ вольны-жъ есмя", такъ формулируетъ Грозный сущность своей власти. Въ предѣлахъ земныхъ условій эта власть безгранична, ибо всякій „противляйся власти, Богу противится". Измѣнникъ—бѣсоугодникъ, Курбскій бѣгствомъ въ Литву погубилъ свою душу.

Вотъ тѣ историческіе и теоретическіе мотивы, которыми пользуется Грозный для оправданія неограниченности своей власти. Но этого мало. Грозный включаетъ въ свою программу также и теоретическое оправданіе *тираніи* (пунктъ, на который до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія). Онъ развиваетъ мысль путемъ противуположенія дѣятельности правителя и дѣятельности инока. Царскій подвигъ иной, чѣмъ иноческій. „Иное свою душу спасти, иное многими душами и тѣлами пещися... постническое убо правленіе—подобно быти агнцу, не противну ничесому жъ... царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ". Мы находимъ здѣсь, опять-таки, не оригинальную, но уже ранѣе высказанную м. Даніиломъ теорію *страха,* какъ основанія государственнаго порядка. Грозный усиленно подчеркиваетъ здѣсь не личный, а чисто-теоретическій мотивъ своихъ казней. Онъ сознательно относится къ своей политикѣ, какъ

къ наслѣдственной, фамильной правительственной системѣ своего дома. Онъ пишетъ Курбскому, что тотъ своей измѣной погубилъ не только свою собственную душу, но и души своихъ прародителей: „понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому Государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу и, они, давъ свои души, и до смерти своей служили и вамъ своимъ дѣтемъ приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и ихъ внучатомъ". Правда, на-ряду съ этимъ упоминаются и личные мотивы ожесточенія въ тѣхъ прочувствованныхъ автобіографическихъ экскурсахъ, которые Грозный вставляетъ въ свои посланія, но въ общемъ ходѣ аргументаціи они занимаютъ во всякомъ случаѣ второстепенное, побочное мѣсто. Грозный объясняетъ необходимость тираніи прежде всего „безуміемъ злѣйшихъ человѣкъ", т.-е. наличностью оппозиціи. Здѣсь онъ постоянно твердитъ объ измѣнѣ боярской, о коварствѣ крамольныхъ потомковъ удѣльныхъ князей. „Извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинить", жалуется Грозный, признавая, такимъ образомъ, и за оппозиціей такую же *наслѣдственную* политику, какъ и за самимъ собою. Самъ Курбскій, по словамъ Грознаго, потому такъ и „ядъ отрыгаетъ", что онъ—„рожденіе исчадія ехиднаго". Какъ Іудеямъ вмѣсто креста нужно обрѣзаніе, „такъ вамъ вмѣсто царскаго владѣнія по-

требно самовольство", пишетъ Грозный по адресу бояръ *). Вотъ эти-то постоянныя полемическія выходки, направляемыя Грознымъ противъ бояръ, и привели, по нашему мнѣнію, съ одной стороны, къ созданію гипотезы о боярско-олигархической оппозиціи, а съ другой стороны—къ отрицанію всякой оппозиціи въ виду того, что среди боярскихъ заявленій того времени изслѣдователи не нашли никакихъ проявленій олигархическихъ тенденцій. Мало того, въ этихъ заявленіяхъ можно открыть тенденціи прямо анти-олигархическія. Возбуждалъ же Курбскій вопросъ объ участіи въ дѣлахъ управленія „простого всенародства". И тѣмъ не менѣе оппозиція существовала, оппозиція сознательная, исторически сложившаяся, осязательно о себѣ заявлявшая.

Среди этой оппозиціи слѣдуетъ отмѣтить двѣ самостоятельныя струи. Каждая изъ нихъ исходила изъ особаго общественнаго слоя и имѣла въ прошломъ особые историческіе корни. Съ особенной яркостью встаетъ передъ нами ихъ взаимное противуположеніе изъ сравнительнаго изученія двухъ литературныхъ памятниковъ той эпохи: писемъ Курбскаго и апокрифической „Валаамской бесѣды". Одна

*) *Сказанія Курбскаго*, т. II, стр. 36, 13—14, 21, 66, 111, 112, 18, 45, 40, 41, 20, 43.

струя можетъ быть названа княжеской, титулованной оппозиціей. Она развивалась среди потомковъ тѣхъ удѣльныхъ князей, которые вмѣстѣ съ ростомъ Москвы потеряли свою самостоятельность. Другая—можетъ быть названа дружинной. Эта выходила изъ среды потомковъ тѣхъ кочующихъ удѣльныхъ дружинъ, которыя нѣкогда наполнили московскій удѣлъ, предавъ московскому князю правительства своихъ удѣловъ, создали себѣ своеобразный и утопичный идеалъ московскаго единодержавія на началахъ удѣльной свободы и слишкомъ поздно сознали себя жертвами полной неосуществимости этого идеала. Въ политическихъ воззрѣніяхъ этихъ двухъ слоевъ замѣчается существенная разница. Оппозиціонная партія перваго оттѣнка, представленная въ письмахъ Курбскаго, помимо всѣхъ прочихъ особенностей московскаго порядка, не могла переварить уже одного факта политическаго объединенія Руси. Курбскій видитъ въ исторіи этого объединенія самую мрачную страницу нашего прошлаго. Тамъ ему мерещатся одни темныя злодѣянія московскаго княжескаго дома, этого „издавна кровопійственнаго рода“, онъ негодуетъ на собирательную политику московскихъ князей, какъ на вѣроломное истребленіе князей удѣльныхъ, этихъ „единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду Владиміра“, „помореныхъ различ-

ными смертьми". Всѣ симпатіи Курбскаго въ этой братоубійственной борьбѣ—на сторонѣ погибшихъ. „Тое племени княжата—продолжаетъ онъ — не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай" *). Курбскій пишетъ, какъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ и притомъ — сторона потерпѣвшая, его партія не ограничивалась одпѣми ламентаціями. Повидимому, въ ея средѣ зрѣли планы отважныхъ попытокъ возстановить утраченную самостоятельность. Грозный обвиняетъ самого Курбскаго въ стремленіяхъ вернуть себѣ ярославское княжество своихъ предковъ. Можно, пожалуй, считать это обвиненіе клеветой на томъ основаніи, что исторія молчитъ о какихъ-либо активныхъ шагахъ Курбскаго въ этомъ направленіи. Во всякомъ случаѣ характерно, въ какую точку мѣтитъ клевета, въ какомъ отношеніи царь ждетъ опасности со стороны опальнаго эмигранта. Между тѣмъ, въ совсѣмъ близкомъ еще прошломъ имѣлись знаменательные прецеденты. Въ малолѣтство Грознаго, при матери его Еленѣ, другой эмигрантъ, князь Бѣльскій, дѣлалъ весьма внушительные активные шаги въ смыслѣ возстановленія въ свою пользу политической самостоятельности двухъ

---

*) *Сказанія Курбскаго* II, стр. 104—105, 127.

другихъ княжествъ: Бѣльскаго и Рязанскаго. Онъ сносился съ этою цѣлью съ Крымомъ и Султаномъ, мечтая образовать коалицію противъ Россіи изъ Султана, Крыма и Литвы*).

Совершенно иначе относилась къ факту московскаго единодержавія вторая фракція оппозиціи. Этотъ фактъ въ значительной степени былъ ея собственнымъ произведеніемъ. И она не отреклась отъ своего созданія, хотя и успѣла горько разочароваться въ его послѣдствіяхъ. Мы встрѣчаемся съ выраженіемъ подобныхъ взглядовъ въ „Валаамской бесѣдѣ", памятникѣ несомнѣнно оппозиціонномъ. Въ прибавленіи къ бесѣдѣ преподобныхъ Сергія и Германа мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки: „Подобаетъ христолюбивымъ царемъ и Богомъ избраннымъ, благочестивымъ и великимъ княземъ Русскія земли избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и *царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овама, сюду и сюду*..." Не менѣе характерно заглавіе второго прибавленія къ той же бесѣдѣ: „Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волока-Ламскаго, новаго чудотворца Осипова монастыря повелѣніемъ Вышняго къ московскимъ великимъ княземъ, *како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей*

---

*) *Соловьевъ:* „Ист. Россіи", т. VI, гл. I.

и попрати враговъ своихъ, исправити въ радость съ міромъ себя и войско свое и *соединити въ благоденство подъ собя вся руськая земля* и распространити всюду и всюду" *). Правда, сама эта приписка, такъ озаглавленная, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ фразъ, призывающихъ московскихъ князей къ одолѣнію внутреннихъ враговъ, тѣмъ не менѣе сама по себѣ редакція вышеприведеннаго заглавія ярко обличаетъ политическія воззрѣнія составителей этого памятника.

Относясь столь различно къ факту политическаго объединенія Руси, обѣ фракціи оппозиціи совершенно согласно возстаютъ затѣмъ противъ того *военно-закрѣпощеннаго режима,* который былъ созданъ на Руси усиліями московскаго правительства. *Во-первыхъ, оппозиція указывала на крайнюю изнурительность этого режима для населенія.* Въ „посланіи къ православному старцу" Курбскій набрасываетъ мастерскую картину всеобщаго разгрома подъ гнетомъ правительственной эксплоатаціи. Всѣ обнищали. У воинства не хватаетъ не только коней и доспѣховъ, но даже „дневныя пищи", его „недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко словество

*) *Бесѣда преп. Сергія и Германа,* изд. Дружинина и Дьяконова, стр. 29, 31.

превзыде"... „купецкій чинъ" и земледѣльцы изнываютъ подъ бременемъ непомѣрнымъ даней, одну дань только что взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, а четвертую уже замышляютъ. „Бѣдно видѣніе и умиленъ позоръ!" — восклицаетъ въ заключеніе авторъ; одно остается: или „безъ вѣсти бѣгуномъ изъ отечества быти", или „любезныя дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы предати", или, наконецъ, „своими руками смерти себѣ умышляти" *).

На тѣ же бѣдствія указываетъ и Валаамская бесѣда, гдѣ среди наставленій царю мы находимъ и слѣдующее: „подобаетъ и царемъ изъ міру съ пощадою сбирати всякіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, не по наносу" **). *Во-вторыхъ, оппозиція указывала и на несоотвѣтствіе общихъ основаній московскаго порядка съ ея политическими идеалами.* Оппозиція возставала противъ этого порядка во имя попранной имъ общественной свободы.

Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь протесты противъ вѣчно-обязанной закрѣпощенности общества государству. Въ отвѣтъ на упреки Грознаго, который указывалъ на отъѣздъ Курбскаго, какъ на измѣну присягѣ, на

---

*) *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., кн. II.

**) *Бесѣда преп. Сергія и Германа*, стр. 21.

клятвопреступленіе, Курбскій замѣчаетъ, что вынужденная присяга, лежащая въ основаніи всего московскаго порядка, не имѣетъ никакого внутренняго значенія, а слѣдовательно и весь порядокъ лишенъ устойчиваго основанія. Есть у васъ обычай, — пишетъ Курбскій, — „аще бы кто не присягнулъ, горчайшей смертью да умретъ“, но всѣ мудрецы согласны въ томъ, что въ случаяхъ подневольной присяги и клятвы „не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ“ *). Здѣсь принципу московскаго закрѣпощенія противупоставляется принципъ свободнаго, договорнаго соглашенія, осуществлявшійся въ „рядѣ“ удѣльной эпохи.

Далѣе, оппозиція настойчиво порицала устраненіе общественнаго участія въ теченіи государственной жизни. По этому вопросу мы опять-таки находимъ полное согласіе между Курбскимъ и авторомъ „Валаамской бесѣды“. Въ посланіяхъ къ Іоанну Курбскій не одинъ разъ возвращается къ той мысли, что царь только тогда бывалъ счастливъ въ своихъ политическихъ начинаніяхъ, когда „со избранными мужи избраненъ бывалъ“ и, наоборотъ, тотчасъ же утратилъ прежнее могущество, какъ только вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, не боящихся говорить правду,

---

*) *Сказанія Курбскаго*, II, стр. 124 - 125.

окружилъ себя „прескверными паразитами и маньяками“. Вся его „Исторія князя великаго московскаго“ — не что иное, какъ памфлетъ на ту же самую тему. Курбскій рѣзко дѣлитъ исторію правленія Грознаго на два періода: одинъ — періодъ удачъ и славы, когда Грозный выслушивалъ мнѣнія мудрыхъ и благожелательныхъ совѣтниковъ, и другой — періодъ мрачныхъ бѣдствій и безплоднаго террора, когда Грозный отдѣлилъ дѣло правительства отъ дѣлъ земства. „Самому царю достоитъ быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды“ — вотъ главный правоучительный выводъ всего памфлета. Но этотъ совѣтъ, по представленію Курбскаго, отнюдь не носитъ на себѣ олигархическаго характера. „Царь, — пишетъ Курбскій, — долженъ искать добраго и полезнаго не только у „совѣтниковъ“, т.-е. у профессіональныхъ „думцевъ“, но и у „всенародныхъ человѣкъ“, такъ какъ „даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной“ *). Итакъ, Курбскій имѣетъ въ виду совѣщательное участіе въ дѣлахъ управленія *всего общества* въ лицѣ призванныхъ къ этому по своимъ внутреннимъ способностямъ людей. Валаамская бесѣда идетъ еще далѣе, представляя, вмѣсто

---

*) *Сказанія Курбскаго*, II, стр. 148. I, стр. 53, 56—57.

общихъ поучительныхъ фразъ, опредѣленный проектъ широкаго земскаго представительства. Пожелавъ, какъ мы видѣли это выше, распространенія власти московскихъ князей отъ Москвы „сѣмо и овамо, сюду и сюду“, неизвѣстный авторъ этой бесѣды высказывается затѣмъ о средствахъ, которыми это распространеніе могло быть достигнуто. Здѣсь-то онъ рисуетъ идеалъ систематически организованнаго участія общества въ дѣлахъ управленія. Онъ рекомендуетъ царю учредить „единомысленный вселенскій совѣтъ... *отъ всѣхъ градовъ своихъ* и *отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ,* безо величества и безъ высокоумія гордости, Христоподобною смиренной мудростью, безпрестанно *всегда* держати погодно при собѣ и собѣ *ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день* ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому... про всякое дѣло міра сего“ *). Итакъ, вся земля, всѣ общественные классы (ото всякихъ мѣръ всякіе люди) должны быть призваны къ политической самодѣятельности. Здѣсь нѣтъ и тѣни олигархическихъ тенденцій, но, съ другой стороны, этотъ широкій и смѣлый планъ совмѣстной дѣятельности правительства и общества — развѣ не представлялъ собою рѣзкой оппозиціи правительственной поли-

*) *Бесѣда преп. Сергія и Германа*, стр. 30.

тикѣ общественнаго закрѣпощенія? Онъ отрицалъ въ корнѣ всю систему московскаго порядка.

Сгруппировавъ литературныя заявленія различныхъ оттѣнковъ оппозиціи, указавъ исторический генезисъ вскрываемыхъ этими заявленіями идей, мы должны разсмотрѣть теперь нѣкоторыя соображенія, высказанныя по поводу ихъ писателями, отрицавшими существованіе при Грозномъ активнаго оппозиціоннаго теченія въ русскомъ обществѣ. Было высказываемо, во-первыхъ, то соображеніе, что всѣ эти заявленія оппозиціи въ сущности не шли дальше тогдашней дѣйствительности, что всѣ эти pia desideria опальныхъ публицистовъ, въ сущности, были уже осуществлены самимъ правительствомъ и успѣли превратиться въ несомнѣнные факты русской жизни. При этомъ указывали на земскій соборъ, какъ на оффиціальный органъ того самаго всенароднаго представительства, о которомъ мечтали публицисты. Это возраженіе не имѣетъ уже теперь прежней силы, послѣ того какъ, благодаря замѣчательному изслѣдованію проф. Ключевскаго о земскихъ соборахъ XVI столѣтія *), составъ ихъ представительства перестал быть загадкой. Мы знаемъ теперь, что эти соборы не были органомъ общест-

*) *Русская Мысль* 1890 г., кн. I; 1891 г., кн. I—II.

венной самодѣятельности въ полномъ смыслѣ этого слова.

Иначе земскіе соборы явились бы какимъ-то непонятнымъ диссонансомъ въ общемъ строѣ тогдашняго закрѣпощеннаго государства. Между тѣмъ, по словамъ проф. Ключевскаго, политическимъ качествомъ соборнаго представителя „считалось не довѣріе къ нему представляемаго общества, а довѣріе правительства. Существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ представительства считали не корпоративный выборъ представителя, а извѣстное административное его положеніе, соединенное съ властью и отвѣтственностью начальника. Представитель являлся на соборъ не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на соборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній довѣрителей, а для того, чтобы отъ него, какъ отъ командира или управителя, обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, выслушать показаніе о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ; съ собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія, а для того, чтобы

проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на соборѣ справокъ" *). Итакъ земскій соборъ не предоставлялъ обществу никакой иниціативы, общество и здѣсь оставалось при своей обычной роли чисто-пассивнаго воспріятія идущихъ сверху предначертаній. Въ этомъ ли состоялъ идеалъ Курбскаго и автора *Валаамской бесѣды?* Въ изображеніи бесѣды видны иныя черты, не похожія на историческіе соборы XVI в. Эти соборы были, какъ извѣстно, случайными собраніями, составлявшимися въ экстренныхъ случаяхъ по иниціативѣ правительства, между тѣмъ авторъ „бесѣды" говоритъ о постоянномъ совѣщательномъ органѣ, безпрерывно отправляющемъ свои функціи, предлагаетъ царю *„на всякъ день"* всякихъ людей „добрѣ и добрѣ распросити". Но если, такимъ образомъ, проектъ расходился съ дѣйствительностью въ столь существенномъ пунктѣ, то въ такомъ случаѣ мы уже не вправѣ предполагать у автора проекта тотъ самый планъ представительства, который былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Въ этомъ сомнѣніи насъ подкрѣпляетъ еще болѣе заявленіе Курбскаго. Оно тоже идетъ въ разрѣзъ съ практикой земскихъ соборовъ XVI в. Какъ доказалъ проф. Ключевскій, практика этихъ

*) *Русская Мысль* 1890 г. кн. I, стр. 169.

соборовъ знала лишь „отвѣтственное представительство по административному положенію, а не полномочное представительство по общественному довѣрію“ *), единственнымъ основаніемъ представительства являлась служебная годность представителя, которая опредѣлялась для служилаго человѣка личною выслугой, а для члена торгово-промышленнаго класса — имущественною состоятельностью, тогда какъ Курбскій толкуетъ о томъ, что необходимый для совѣта „даръ духа“ дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царской, но „по правости душевной“. Здѣсь сквозитъ мысль о иныхъ критеріумахъ для выбора представителя и о иныхъ путяхъ ея избранія. Очевидно, оппозиція не закрывала глазъ на земскіе соборы и не впадала въ какое-либо странное недоразумѣніе, требуя реформъ, уже давно осуществленныхъ, но она не могла удовлетвориться реформаторскою дѣятельностью правительства, такъ какъ эти реформы исходили изъ началъ, совершенно чуждыхъ ея политическому міровоззрѣнію.

Въ литературѣ было высказано еще одно соображеніе, направленное къ отрицанію наличности оппозиціонныхъ тенденцій въ обществѣ того времени. Мы не видимъ, — говорили сторонники подобнаго отрицанія, — среди это-

*) Ibid., стр. 177.

го общества никакихъ активныхъ шаговъ въ смыслѣ практическаго выраженія оппозиціонныхъ тенденцій, мы не видимъ активнаго протеста со стороны тѣхъ общественныхъ круговъ, на которые падали преслѣдованія Грознаго. Но, во-первыхъ, отсутствіе активнаго протеста нѣсколько преувеличено, благодаря привнесенію современныхъ понятій въ оцѣнку тогдашнихъ событій... Въ то время, напримѣръ, самый *отъѣздъ,* къ которому прибѣгъ Курбскій и который такъ возмутилъ Грознаго, вовсе не былъ пассивнымъ отказомъ отъ продолженія борьбы. Для того времени *отъѣздъ* имѣлъ значеніе чисто-активнаго осуществленія стариннаго удѣльнаго права, подтвержденнаго междукняжескими договорными грамотами удѣльной эпохи и затѣмъ насильственно ниспровергнутаго московскимъ правительствомъ. Во-вторыхъ, если шаговъ активнаго протеста встрѣчалось весьма мало, то не слѣдуетъ ли объяснять этого явленія не изъ отсутствія въ обществѣ оппозиціонныхъ элементовъ, но уже какъ результатъ энергичнаго правительственнаго террора, придавившаго общественное сознаніе, понизившаго общественную иниціативу. Однако, тотъ же терроръ давалъ и другіе результаты. Онъ обострялъ теоретическую оппозиціонную мысль, онъ доводилъ до крайностей ожесточеніе недовольныхъ элементовъ, онъ толкалъ

русскую мысль на путь анархизма, какъ это выразилось, напримѣръ, въ ереси Ѳеодосія Косого. Можно быть различнаго мнѣнія о политической дѣятельности Грознаго, можно соглашаться съ тѣмъ, что онъ не всегда искалъ своихъ враговъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно существовали, и не всегда попадалъ въ настоящую цѣль своими террористическими мѣрами, но нельзя отрицать того, что въ то время политическая борьба являлась реальнымъ жизненнымъ фактомъ, а не какой-то фикціей чьего-то больного воображенія. Весь XVI вѣкъ нашей исторіи наполненъ перипетіями этой борьбы. Мы старались указать на тѣ общія условія русской жизни, которыя ее породили. Это была борьба удѣльной свободы съ московскимъ закрѣпощеніемъ. Могутъ сказать, что ко времени Ивана Грознаго борьба была уже закончена, и побѣда осталась за московскимъ закрѣпощеніемъ. Правда, удѣльный политическій порядокъ лежалъ уже разбитымъ, но удѣльныя традиціи, удѣльное міровоззрѣніе, — если можно такъ выразиться,—просачивались на каждомъ шагу изъ подъ новыхъ житейскихъ формъ, и пока такое положеніе вещей оставалось въ силѣ, правительство необходимо должно было ощущать подъ ногами довольно вулканическую почву.

сходно исполненныхъ фототипическихъ снимковъ съ картинъ русскихъ художниковъ и съ различныхъ произведеній искусства. Многочисленныя иллюстраціи въ текстѣ и заглавныя буквы, исполненныя по старинным оригиналамъ. Цѣна вмѣсто 12 руб.............. **6** руб.

Въ роскошномъ переплетѣ................. **8** руб.

П. А. Ѳедотовъ. Разборчивая невѣста.—Сватовство маіора.— Вдовушка.— Свѣжій кавалеръ. 4 геліогравюры in folio, исполненныя въ знаменитой Парижской мастерской **Гупиль и К⁰**. Цѣна вмѣсто 5 руб....... **1** руб. **50** коп.

Весселн. О распознаваніи и собираніи гравюръ. Пособіе для любителей. Переводъ **С. С. Шайкевича.** Съ двумя таблицами монограммъ. Цѣна вмѣсто 3 руб.. **1** руб. **50** коп.

Спутникъ Зодчаго по Москвѣ, 272 стр. in 8⁰, 142 рисунка въ текстѣ съ планомъ города Москвы. Изданіе **Московскаго Архитектурнаго Общества**, для членовъ 2-го съѣзда русскихъ зодчихъ въ Москвѣ, подъ редакціей секретаря О-ва **Н. П. Машкова.** (М. 1895).

Содержаніе книги: Статьи по исторіи архитектуры, канализаціи и водоснабженія гор. Москвы, строительная дѣятельность города за послѣднія 25 лѣтъ и др.; также подробное описаніе соборовъ, монастырей музеевъ, театровъ, клиникъ, боенъ, торговыхъ рядовъ, учебныхъ заведеній и выдающихся домовъ частныхъ владѣльцевъ. Описаніе всѣхъ этихъ зданій сопровождается какъ рисунками ихъ фасадовъ, разрѣзовъ, планами и чертежами (всего 142), такъ и пояснительнымъ текстомъ объ особенностяхъ оборудованія ихъ въ отношеніи отопленія, освѣщенія, вентиляціи и др. условій спеціальнаго назначенія зданій. Цѣна въ оригинальномъ переплетѣ......................... **2** руб.

Histoire pittoresque de l'architecture en Russie, suivie d'un aperçu sur le climat, les moeurs et le développement de la civilisation dans ce pays, par *Valérien Kiprianoff*. (M. 1864).

Живописная исторія русской архитектуры, содержитъ 128 стр. in 8⁰ объяснительнаго текста на франц. яз., 55 литографированныхъ рисунковъ и картинъ (фасады и планы) съ знаменитыхъ зданій, соборовъ и т. п. въ Европ. Россіи. Цѣна безъ перепл. вмѣсто 6 р.... **3** р.

